

Юлия
Климова
**ВРЕДНАЯ
ПРИВЫЧКА
ЖИТЬ**

Юлия Климова
Вредная привычка жить
Серия «Анна, Солька
и Альжбетка», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=418722

Вредная привычка жить: Повесть / Юлия Климова: Эксмо; Москва;

2006

ISBN 5-699-18751-0

Аннотация

Любовь до смерти... Как романтично! Черта с два! Престарелый любовник Альжбетты Федор Потугин ничего не придумал лучше, как помереть во время жаркого соития прямо на объекте страсти. Девчонка чуть с катушек от страха не съехала. Хорошо, подружки Анна и Солька проявили должное понимание и спрятали тело заплесневелого мачо в пустующей квартире по соседству. На следующий день туда вселилась супружеская пара. А утром Анна обнаружила труп горе-любовника на своем рабочем столе!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	65
Глава 7	79
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Юлия Климова

Вредная привычка жить

Глава 1

Я вяло провожу время, чуть не умираю и мирюсь с Солькой

Попыток убить себя я не делала никогда, я девушка дальновидная и поберегла это на потом, тем более что самое вкусное всегда оставляют напоследок. Но зато я частенько мечтаю, как убью соседку справа: у нас на лестничной клетке слишком много народу, так мне кажется, понимаете – слишком много для того, чтобы я жила счастливо.

Соседка справа всегда накрашена, хорошо одета и бесконечно любезна. Вот скажите мне: вам хочется иметь такую соседку? А имя! Вы знаете – ее зовут Альжбетта. Я узнавала, это ее настоящее имя. И как мне любить ее после этого, если на вопрос, как вас зовут, я всегда отвечаю – Аня, а она отвечает томно – Альжбетта. Ей тридцать лет, из-за чего она вечно комплексует и что постоянно дает мне повод поддеть ее.

Вообще-то мы с Альжбеткой приятельницы, просто сейчас у меня не самые лучшие деньки, и я слоняюсь по квартире, не зная, на кого бы выплеснуть раздражение.

А мой сосед напротив: он пилит, понимаете, он целыми днями что-то пилит, и хотя до меня доносятся лишь слабые, отдаленные звуки, но это противные звуки. Давайте я тоже буду пилить день и ночь, давайте все будем пилить, и тогда весь мир полетит к черту, а разве такое можно допустить? Отсюда вывод – он не вправе пилить потому, что это не есть общественно полезный труд.

Однажды я не выдержала и постучала в его дверь. Постучала в надежде, что он голубой. Сейчас объясню. Я прочитала книгу про отличную девчонку, потом я прочитала книгу про еще одну девчонку, тоже отличную, так вот, у них были друзья гомосексуалисты, и я тоже захотела такого же. Или получается, что я не отличная девчонка... но могу я хотя бы рассчитывать на его окрашенную в яркие цвета сексуальную ориентацию?

Я постучала в дверь. Дверь, конечно, открылась, и моему взору предстал высоченный шкаф в семейных трусах и с лобзиком в руках. По тому, что произошло в его семейных трусах, я сразу поняла, что он не голубой, поэтому мне ничего не оставалось делать, как узнать, что он там, по крайней мере, пилит.

– Ты что пилишь, собака страшная?.. – спросила я.

– Гробы, – хмуро ответил шкаф, – заходи, покажу.

Я не такая дура, чтобы заходить к таким дуракам, я ему не трафарет и не лекало, чтобы по мне гробы выпиливать.

– А зачем ты их пилишь? – спросила я, не переступая по-

рога.

Он пожал плечами и ответил:

– У меня работа такая, а тебя как зовут?

Как бы было здорово сказать ему сейчас, что меня зовут Альжбетта, но, боже мой, я Анна, да даже и не Анна, а Анька, самая обыкновенная Анька.

– Тебе зачем? – спросила я, хмурясь.

– Соседи... будем общаться...

– Анька.

– Славка.

Вот так состоялось мое знакомство с вечно пилящим соседом.

Еще на нашем этаже живут тетя Паша и Солька.

Тетя Паша – это совесть нашего этажа: стоит кому-нибудь выкрутить лампочку или оставить пустую бутылку от пива аккуратненько в уголке, как под потолком зависает душераздирающий крик тети Паши – ироды окаянные, да будете вы людьми когда-нибудь, и так далее.

Тетя Паша хорошая, просто она считает, что молодежь надо воспитывать, а так как мы живем без родителей, то она нам как мать. Мы ее в этом не разубеждаем, потому что за ее пирожки и борщ готовы видеть в ней хоть маму, хоть папу римского.

Солька – это моя относительная подруга. Почему относительная – потому что мы с ней вчера поругались, и теперь мы враги на всю жизнь. И пока я на нее зла, я вам скажу,

что ее зовут вовсе и не Солька, как она всем рассказывает, а Ефросинья Андреевна Потапчукова. Стыд и срам шастать по городу с таким именем и фамилией, но Солька ходит, а я иду рядом и делаю вид, что это нормально.

Одна квартира у нас пустует, и мы ждем жильцов, делаем ставки, кто въедет, а иногда мечтаем переехать туда сами, потому что квартира трехкомнатная, а у нас – всякие маломерки. Только тетя Паша живет в двухкомнатной, что дает ей возможность каждый раз нам говорить: трудитесь, и воздастся вам! Вот Славка и пилит, Альжбетта дрыгает ногами в ночном клубе, Солька преподает ботанику, а я ищу работу.

Мы с Солькой как раз вчера потратили три часа, думая, кем бы мне пойти работать. У меня вообще-то высшее образование, на дороге оно не валяется, так что мне есть чем гордиться. Специальность у меня, правда, редкая – «Экология и охрана Мирового океана». Но это не имеет значения, я, как все, шесть лет от звонка до звонка посвятила науке, я умеренно пила пиво и сидр на скамейках около института, я написала шпаргалок не меньше, чем те, кто академии заканчивал, и я, в конце концов, была влюблена в не меньшее количество преподавателей, чем все остальные студентки. Так что мое образование – самое что ни на есть настоящее образование!

Океан, конечно, подождет, не думаю, что его разбазарят или загубят раньше, чем я встану на ноги, но надо срочно решать вопрос с моим трудоустройством. Альжбетка звала

к себе в клуб. Ну, люди добрые, не могу я задирать ноги в их кордебалете, у меня по физкультуре всегда была полудохлая четверка, и то только потому, что мама работала в школе. Помню эти зимние олимпиады на уроках физкультуры. Хорошо, что можно было прицепить палку к Солькиной и ехать, ни о чем не думая, охая через каждый метр. А бег вокруг школы... только пирожки, которые столовка выставляла на улицу, чтобы они чуть остыли, давали мне силы бежать.

Так что работы у меня пока нет, мало у нас океанов, скажу я вам, вот был бы океан у нас за домом, так меня бы так ценили, так ценили...

Я решила не кончать жизнь самоубийством и сегодня. Надо помириться с Солькой и все же найти себе хоть какую-нибудь работу, заработать денег, купить красивое платье, сходить к Славику, пусть выпилит мне ладненький гроб, ну а уж потом броситься под машину миллионера и... О! Тогда зачем мне вообще умирать? Ну вот, опять придется жить.

Я взяла последнюю сигарету, последнюю зажигалку... ну хорошо, хорошо – просто зажигалку, глупо говорить, что она последняя, когда она всегда одна, и прикурила.

Куриль я не умею, но так вроде бы победа над комплексами проходит значительно веселее.

Я посмотрела в окно: к ларьку со скособоченной надписью «Печать» тянулся народ.

– Небось, газеты с объявлениями покупают, – сказала я, – все хотят устроиться на мое место!

Понаблюдав еще немного за этими бесцеремонными людьми, я накинула плащ и вышла на улицу, около дома купила еще одну пачку сигарет и стала ждать зеленого светофора. Когда он зажегся, я стала ждать, пока все нехорошие люди в нехороших машинах проедут мимо, не обращая внимания на то, что, собственно говоря, сейчас – мой выход. Потом я побежала, зеленый уже мигал, и совсем немного отделяло меня от возможности быть сожранной каким-нибудь нетерпеливым автомобилем или от возможности все же добежать до заветного ларька с надписью «Печать».

– Что у вас есть для одиноких безработных женщин? – спросила я

Сморщенная бабулька окинула меня жалостливым взглядом и протянула тонкую книжицу с надписью «Замуж за рубеж».

– Нет, – сказала я, отвергая такую перспективу, – я должна сделать что-нибудь великое для своей родины, и кости свои закопать хотелось бы тоже здесь.

Бабулька понимающе кивнула и протянула журнал «Знакомства после тридцати».

Если бы не старость и сморщенность субъекта, предлагающего мне подобное, если бы с детства мне не привили уважение к этой самой старости, то, пожалуй, эта бабулька, мягко говоря, не ушла бы от ответственности за свой поступок. Утверждать, что мне тридцать, это все равно что подписывать себе смертный приговор. Мне двадцать восемь, и это

то, чем я почти уже горжусь. Жизненный опыт в глазах, мозги мощностью триста лошадиных сил (интересно, а это много?) и взгляд, взгляд, убивающий на скаку лошадь и тушащий огонь в избах на расстоянии.

– Дайте мне газету с объявлениями о трудоустройстве, – с достоинством сказала я.

Бабулька протянула мне требуемую газету, я расплатилась, закурила и подошла к светофору.

Имею я право хотя бы раз в жизни пройти спокойно на зеленый свет, вот он зажегся – и я пошла, реально ли такое? Наверное, сегодня во мне кипит соответствующее настроение, когда хочется жить по обещанным мне правилам. Потому что ничего сейчас меня не забавляло, ничто не вносило новизну и остроту ощущений в мою жизнь, а в голове все еще раздавалась лесопилка Славика, вот поэтому, дождавшись зеленого света, я потребовала от жизни того, на что имела право – на мой личный зеленый свет... и я шагнула на проезжую часть...

Раздался визг, глухой удар в бок, мысли буквами побегали по асфальту – где там моя газета и пачка сигарет... и я шмякнулась на мостовую, больно ударившись головой.

Я не спешила вставать. Куда мне было торопиться, тем более что бок все же болел, а голова гудела. Я чувствовала, как к месту происшествия стягиваются люди, да, давайте, давайте, посмотрите, как я лежу, я, которая могла бы лечить и спасать океаны!

– Пропустите меня, – раздался строгий голос.

Это, наверное, тот, кто меня сбил, а может, какой-нибудь врач, проходивший мимо, а может, миллионер с предложением руки и сердца...

Я немного поразмышляла, открывать мне глаза или нет, и решила не торопить события.

– В машину ее, – раздался тот же властный голос.

Э! Мы так не договаривались! А где извинения, где – я же нюсь на вас, только скажите «да», или на худой конец предложение о работе? Я, между прочим, очень рисковала, идя на зеленый свет.

Я открыла глаза: возможно, пора спасаться.

Он смотрел на меня, как смотрят... на асфальт... Я встала, отряхнула плащ и сказала:

– Если вы свои права купили, то, по крайней мере, делайте так, чтобы это не бросалось людям в глаза.

Он протянул визитку. На среднем пальце красовался перстень с черным отполированным камнем. Меня от этого просто передернуло.

– А это зачем? – спросила я, указывая на перстень.

Я всю жизнь, всю жизнь мечтала спросить об этом – вот зачем им эти перстни?..

– Надо уйти с дороги, мы мешаем, – услышала я чей-то голос.

– Садитесь в машину, я довезу вас до больницы или до дома.

Я села в машину и сказала:

– Лучше в ГАИ.

Водитель обернулся и посмотрел на меня. Это был тот самый человек, который хотел как можно скорее убрать меня с дороги.

– Ты дура, что ли? – спросил он.

– Поезжай, – сказал хозяин машины, и мы сорвались с места.

Он сидел рядом, и я как-то опасалась повнимательнее разглядеть его.

– В больницу или домой? – спросил он меня.

Я вытащила сигарету из помятой жизнью пачки и закурила, потом все же повернула голову в его сторону.

Каштановые глаза! Я такого в жизни не видела, я дар речи потеряла просто, до чего же каштановые глаза!

– Давай в больницу, – отдал он команду, видя мой шок.

– Нет, – очнулась я, – домой.

– Где вы живете?

Я назвала адрес, и машина резко изменила направление.

Он опять протянул мне визитку:

– Возможно, это понадобится вам.

Мой взгляд опять упал на перстень. Не давал он мне покоя, и я спросила:

– А зачем вы его надели?

Он снял его и протянул мне:

– Возьмите на память.

– Мне такая память ни к чему, – сказала я, отказываясь от подобного подарка.

Машина остановилась, и я вылезла, сжимая в руках дорожную газету.

Я развернулась и пошла к подъезду.

– Ненормальная, – сказал мне вслед водитель.

– Необыкновенная, – блеснули каштановые глаза.

Поднявшись на свой этаж, я позвонила Сольке. Это был отличный повод помириться, но Сольки не было дома. Тогда я позвонила Альжбете, но ее не было тоже. Я поплелась к своей двери и сунула руку в карман: надеюсь, что ключи я не потеряла.

Слава богу, ключи были на месте, с наслаждением я вытащила руку из кармана, и по ступенькам покатился перстень с черным полированным камнем.

Бок болел, но я не обращала на него внимания. Развернув газету, я стала изучать предложения о работе: скромно потупив взор, говорила «да», «о да», «и это да», «как скажете». Так полчаса я наслаждалась разделом «Руководители, управляющие». Океан по-прежнему был в опасности, но ни в одном объявлении это никого не беспокоило.

Я посмотрела в окно и увидела одинокого бомжа, собирающего бутылки. «Вот что ждет меня», – подумала я и закурила. В дверь постучали. Это Солька, потому что все нормальные люди пользуются звонком.

Я открыла дверь и смерила ее взглядом, который говорил:

я тебе не рада, ты вчера мне нанесла серьезную обиду, которую я не забуду никогда, и буду передавать из поколения в поколение грязные рассказы о тебе.

Она на меня посмотрела взглядом: ну что, никчемное создание, небось, сыплешь угрозами про себя, ну-ну, только учти, что мои потомки дремать не будут, им тоже станет известно о том, какая ты противная и невыносимая.

– Я нашла тебе работу, – сказала Солька.

– Выщипывать пинцетом сорнячки в какой-нибудь гнилой оранжерее?

– Нет, будешь мерить температуру океану на разных широтах и, если твой океан приболел, пропишешь ему аспирин.

Я Сольку смирив взглядом, который обозначал: может, поблизости и нет океанов, но это вовсе не говорит о том, что можно жить спокойно, пока умирают мои океаны!

Солька посмотрела на меня просто задумчиво и спросила:

– Откуда царапина?

– Я чуть не погибла полчаса тому назад.

– Кровавая разборка в квартале? Чемодан наркотиков? Или просто чья-то ревнивая жена решила выцарапать тебе глаза?

– Нет, я просто пошла на зеленый свет.

Солька покрутила пальцем у виска и сказала:

– Только не рассказывай об этом, когда станешь устраиваться на работу, лучше скажи, что была кровавая разборка, так хотя бы поверят.

Солька бесцеремонно прошла на кухню, открыла шкафчик и выгребла из него три банки с кофе, вернее, с запахом от кофе, потому что все давно закончилось. Покрутив ноготком у виска еще раз, она спросила:

– Денег хоть дали?

– Кто? – не поняла я.

– Ну, тот, кто тебя сбил.

– Нет, да зачем...

– Затем, что тебя давно лечить надо, вот теперь бы было на что.

– А от чего лечить? – зло спросила я.

– От ума, от ума, моя дорогая!

– Это не лечится, это – мой крест.

Мы заварили остатки зеленого чая, который я терпеть ненавижу, но мой доктор как-то мне сказал: «Купите, деточка, себе зеленый чай, если не хотите, чтобы однажды я ваши почки полоскал в тазу».

С тех пор у меня всегда дома стоит боязливо купленный зеленый чай, стоит и стоит, никому не мешает, а часто даже выручает, когда все основные напитки имеют наглость заканчиваться.

– Повторюсь, – размеренно сказала Солька, – завтра ты выходишь на работу.

– Куда?

– Будешь секретаршей и курьером в одном флаконе.

– Не буду, – гордо сказала я, – мне это по рангу не поло-

жено.

– Будешь, – уверенно повторила Солька.

Вот как можно ее не любить, эту занозу Сольку?!

– Ладно, – сказала я, – буду секретаршей и курьером, но за очень большие деньги.

Солька ничего не ответила. Я представила, скольких знакомых она обегала, чтобы пристроить меня, и благодарно выдала:

– Буду работать за любые деньги, за хлеб, воду и постель, за спасибо и за просто так, чтобы чувствовать себя человеком и частью общества.

– Если тебя и оттуда уволят, то помощи от меня не жди!

– Само собой, – кивнула я.

Подобная история повторялась уже раз десятый.

Глава 2

Я по-прежнему не люблю магазины и становлюсь незаменимой сотрудницей процветающей фирмы

Когда я иду в магазин, то мысленно беру с собой пистолет: я готова пристрелить себя в примерочной, когда надеваю брюки или кофту в обтяжку.

Я готова себя пристрелить сто миллионов раз.

«Смерть в примерочной»,

«Она убила себя, разочаровавшись»,

«Пуля избавила ее от депрессии»,

«Русская рулетка – надень брюки 46-го размера» – вот такими заголовками пестрели бы газеты, если бы я хоть раз действительно взяла с собой в магазин пистолет.

– Девушка, покажите эти брюки.

– Какой у вас размер?

У меня нет размера, потому что у меня нет уже никаких нервов, чтобы иметь этот самый дурацкий размер.

– Покажите брюки, – назираю я.

– А какой у вас размер?

Может, она неживая, может, она не понимает, что у ме-

ня-то 46-й размер, но нелезает только 48-й?

Она что, никогда сама не была в примерочной, или она не знает, как тяжело признать свое поражение перед лишним куском карамельного торта?

– Да дайте же мне эти брюки! – ору я, и девушка, вздрогнув, протягивает мне то, что я требую.

Я иду в примерочную, Солька семенит за мной.

– Ну что ты орешь, с тобой стыдно ходить по магазинам, – шипит она мне в спину.

– Мне тоже стыдно ходить с тобой в закусную, но я же хожу.

– А что, что такого?! – возмущается Солька

– А то, что суп – это суп, и его едят ложкой. Бутерброд – это бутерброд, и его не надо разламывать на 25 кусочков, выстраивать их в ряд и только потом есть. Не надо есть из моей тарелки, потому что это моя тарелка, не надо пить мой компот – это мой компот, и не надо, в конце концов, обглаживать кости с таким видом, как будто это – самое вкусное в курице!

– Хватит, хватит, – уступает мне Солька, потому что перед примерочной мне лучше не перечить, да и аргументы у меня железные.

Брюки 46-го размера, и они на меня нелезут. Они на меня нелезут, но вот я не влезаю в них, у вас такое бывает? У меня – всегда: я всегда слишком велика для простого и естественного.

Солька смотрит на мою обтянутую тканью попу и говорит:

– Если свитер надеть навывпуск, то ты – богиня.

– А если вообще без свитера, – спрашиваю я, – то тогда как?

Тогда я что, не хороша собой? Этого не может быть, и я поворачиваюсь задом к зеркалу.

– Кто виноват, – говорит Солька, – что у тебя такая большая... душа.

Потом, помолчав, добавляет:

– Давай попробуем 48-й.

– Что? Что?! – вскидываю я брови.

Признаться себе, продавщице, да всему миру, что у меня большая душа и она никак не хочет помещаться в эти брюки?!

– Нет! – ору я и победно выхожу из примерочной.

Солька идет за мной.

– Заверните, – говорю продавщице, и она нервно сует брюки в пакет.

Она знает, что мысленно я взяла пистолет с собой... что я готова разорвать весь мир не потому, что я такая плохая девчонка, а потому, что у меня очень большая... душа.

Я иду вперед.

Солька шепотом извиняется перед продавщицей и топает за мной.

– Ну и в чем ты пойдешь на работу?

– У меня есть одна юбка.

– Коричневая?

– Да.

– Это не юбка, – говорит Солька с жалостью.

– Правильно, это не юбка – это моя жизнь!

Солька молчит: спорить со мной бесполезно.

Мы поднимаемся к себе на этаж. Слава пилит. Надежда умирает последней, и я звоню в его дверь.

– Ты голубой?

– Нет, – спокойно отвечает Слава, совершенно не удивляясь вопросу.

– А почему? Почему ты не голубой?! – истерично кричу я.

Славка смотрит на Сольку и ищет в ней спасение, но та лишь пожимает плечами и крутит пальцем у виска. Похоже, это входит у нее в привычку.

– Если ты так хочешь, – говорит Славка, – если тебя успокоит это, то я стану голубым.

– Спасибо, друг, – говорю я и иду к своей квартире, по пути пиная дверь Альжбетты.

Она высовывается в коридор, пока я нервно тереблю ключи, понимающе смотрит на Сольку и спрашивает:

– Что, опять в магазин ходили?

– А сколько тебе лет? – спрашиваю я, злорадно поглядывая на Альжбетку.

Скорость зарождения гадостей в моей большой душе происходит всегда просто молниеносно, я даже люблю себя в такие моменты, потому что я непобедима!

Альжбетта закрывает дверь, я облегченно вздыхаю и захожу в квартиру.

– Зеленый чай вчера кончился, – сообщает Солька из кухни.

– Значит, пришел конец моим почкам.

Убираю брюки в шкаф и кладу их на стопку одежды 46-го размера – придет день, придет день...

Солька идет к себе за чаем, а я достаю коричневую юбку, тяжело вздыхаю и утешаюсь тем, что мои профессиональные способности затмят даже эту юбку. Я по телевизору видела, что делают секретарши, и вот что я вам скажу: налить чай я уж как-нибудь смогу, да я просто профессионал в разливании чая!

На следующий день я отправилась на новое место работы. Я была бесподобна и решительна: Солька объяснила мне, что такое факс и ксерокс, и я могла бы с закрытыми глазами собрать и разобрать два этих необходимых в жизни агрегата.

– Вы кто? – спросила меня тоненькая женщина в тоненьких очках.

– Я ваша новая секретарша, трепещите!

Тоненькие очки поползли вверх, а женщина явно дала усадку по всем своим габаритам.

– Валентин Петрович, Валентин Петрович! – заверещала она сиплым голосом. – К нам новая сотрудница!

Видно, назвать меня секретаршей у нее просто язык не повернулся.

Валентин Петрович, чувствуя неладное, вышел в коридор.

Вообще-то внешне я нормальная, это внутренний мир мой столь богат, что не все его выдерживают. Я вспомнила наставления и заклинания Сольки и изобразила на лице добрую и ласковую улыбку сироты.

Валентин Петрович сказал сухое «пройдите», и я оказалась в приемной, далее шел его рабочий кабинет.

– Здесь вы будете работать, – сказал мой начальник, указывая на стол, заваленный аппаратурой и бумагами.

Я неплохо владею компьютером, но тут просто не удержалась.

– Я такую штуку по телевизору видела, – сказала я, показывая на монитор.

Все мое существо кричало: гоните меня, гоните, я не хочу у вас работать, я вообще работать не могу, я людей боюсь, или люди боятся меня, – не помню, в чем в последний раз меня обвиняла моя мама.

– Я рад, что вам у нас понравилось, – мрачно глядя на меня, сказал Валентин Петрович.

Мне показалось, что ему вообще-то все равно, кто тут будет заливать заварку кипятком и тыкать пальцем в клавиатуру, я или еще какая-нибудь мечтательница.

– Взаимно, – кивнула я головой и сразу взялась за дело.

Я сгребла весь хлам с моего рабочего места на подоконник и уселась за стол. Хлам не дал мне возможности передохнуть, потому что шумно съехал с подоконника на пол.

– Вот так! – многозначительно сказала я и положила ногу на ногу. Моя коричневая юбка зацепилась за гвоздь на стуле, я просунула руку под стол и стала проделывать там некоторые манипуляции, которые, по моему мнению, должны были освободить меня от столь глупого заточения. Валентин Петрович посмотрел на стоящую рядом тоненькую женщину в тоненьких очках и сказал:

– Любовь Григорьевна, сотворите чудо, – и вышел из комнаты вон.

– Вам, милочка, – обратилась ко мне Любовь Григорьевна, – надо немного заняться собой, и потом, ваши слова... они несколько резки и грубоваты, а вы же лицо фирмы!

– Хорошо, – пообещала я, – завтра я перед работой почищу зубы и надену новые брюки, и дай бог вам терпения, когда вы будете проходить мимо меня.

Время шло, но меня все не увольняли.

– Понимаете, нам очень нужна секретарша, но желающих на это место предостаточно, так что, милочка, в ваших интересах как-то изменить ситуацию и подумать о своем более подобающем поведении.

– Любовь Григорьевна, вы прекрасны, – сказала я, закатив глаза.

Тоненькие очки съехали на нос, а тоненький голосок переспросил:

– Что? Что вы говорите?!

– Я говорю, что вы прекрасны, вы являете собой образ

законченного стиля и полной неготовности к миру, который, возможно, еще распахнется перед вами...

Любовь Григорьевна, по всей видимости, жила замкнутой жизнью. Вряд ли она позволяла себе оглянуться в сторону понравившегося ей мужчины или просто выпить кофе в какой-нибудь забегаловке, наверняка она страдала от неразделенной любви к одному из сотрудников, и наверняка она не знала, что я – это тот экземпляр душевности и человечности, который все это ей предоставит в самое ближайшее время.

От моих слов Любовь Григорьевна села на стул.

– Воды? – заботливо предложила я.

– Нет, нет! – испугавшись, она подпрыгнула с места.

Наверное, вода из моих рук ей заранее казалась отравленной, и она уже представляла, как скончается в корчащих ее тоненькое тело муках.

– Как хотите, – пожала я плечами, – а вы здесь кто? Владычица морская или как?

Любовь Григорьевна гордо выпрямилась: вот момент, когда она может заткнуть меня! Так она думала: по всей видимости, она не знала, что заткнуть меня невозможно.

– Я финансовый директор.

– Я рада за вас, – искренне сказала я, складывая хлам, свалившийся с подоконника, обратно на подоконник. – Наверное, тяжело досталась вам эта должность.

– В каком это смысле?

– Учились много, в каком еще может быть смысле!

Я хотела добавить: «Посмотрите на себя», но сдержалась.

– У меня за плечами университет и аспирантура, – гордо сообщила тоненькая директриса.

– Ну и как?

– Что как?

– Принесло вам это заслуженное счастье?

– Мне кажется, – строго начала Любовь Григорьевна, – вам пора уже приступить к своим обязанностям, мой кабинет вот здесь. – И она указала прозрачным пальцем на еще одну дверь в приемной.

– Я так понимаю, что я и ваша секретарша тоже? – осведомилась я.

– Вы понимаете правильно, и я не потерплю разгильдяйства и неуважения, – сказала Любовь Григорьевна более мягко.

Я внимательно посмотрела на нее и улыбнулась: есть контакт! Она, сама того не ведая, уже любила меня. Так всегда бывает, надо было время засечь: за сколько минут она прикипела ко мне? Все же большая душа – это сила!

Когда за ней закрылась дверь, я сказала ей вслед:

– Сработаемся, Любовь Григорьевна...

К обеду я перезнакомилась почти со всеми, вернее, все перезнакомились со мной. Такое впечатление, что им делать было нечего, как только заглядывать ко мне в приемную и говорить свое дежурное «ой!».

Любовь Григорьевна не вылезала из кабинета до вечера:

понятное дело, она боялась меня. Валентин Петрович пару раз просил чай, что я виртуозно выполняла. Я посоветовала ему пить зеленый чай, дабы его почки однажды не оказались в тазу какого-нибудь уролога или кто там лечит эти почки.

Валентин Петрович поперхнулся чаем и попросил меня купить зеленый.

Я же говорю, что, по большому счету, я несу людям добро, и уж если я была в свое время готова спасать и охранять океаны, то поверьте, людей-то я уж как-нибудь отмажу от мирской суеты.

Завал на столе был мною побежден в рекордно короткие сроки: я взяла из шкафа коробки и свалила все туда. На столе остался только компьютер, подставка с ручками, ежедневник и горшочек с кактусом.

Кактус находился на последней стадии издыхания, и я уже намеревалась сделать ему искусственное дыхание, когда открылась дверь и волшебный мужчина обратился ко мне со словами:

- Вы секретарь?
- Отныне и навсегда.
- Это надо напечатать до завтра.
- А вы кто?
- Начальник отдела планирования, – сообщил уверенный в себе блондин.

Эх, на беду он родился блондином, я их не люблю – ни с супом, ни на закуску, ни в качестве трофея, вернувшись с

охоты... Нет, я не люблю блондинов!

– Боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу, я тут, знаете ли, пашу на...

Я замялась в поисках фамилий своего руководства. На дверях оказались таблички, и я продолжила:

– Я пашу, как вол, на Селезнева и Зорину, а вам нужна своя, личная, на все готовая секретарша.

– Значит, не будешь печатать?

– Нет.

– Хорошо подумала?

– Да.

Волшебный мужчина направился прямиком к Селезневу. Мне не жаль было бы постучать пальцами по клавиатуре для этого пижона, но дедовщины я не терплю: у него должна быть своя секретарша или кто-то в отделе, уже давно привыкший выполнять подобную работу, так что, простите, – вас здесь не стояло.

Я была уверена в своей правоте, но вместе с этой правотой наверняка нажила себе одного врага, начальника отдела планирования, в народе – Семенова Бориса Александровича.

Выходя из кабинета Селезнева, он смерил меня таким взглядом, что кактус окончательно скукожился и упал, что меня тронуло до глубины души. Не обращая внимания на каменное лицо Семенова, я выковыряла пальцем дырочку в сухой земле и упрямо воткнула туда остатки кактуса, потом открыла маленький пакетик с яблочным соком и со словами:

«Пей, маленький» – полила его из трубочки. Колючки больно застряли под кожей, но разве я могла об этом думать, когда на моем столе умирал одинокий, забытый людьми кактус.

Глядя на все это, Семенов Борис Александрович здраво решил, что мне лучше не доверять свои бумажки, и ритмичным шагом покинул приемную.

Вечером, собирая пожитки в сумку, я стащила пару блокнотов, три ручки, еще ластик и коробочку скрепок и сделала вывод, что, раз меня не уволили сегодня, меня не уволят никогда.

Итак, у меня есть работа.

Глава 3

**Я, как все отличные девчонки
из всех отличных книг, сажусь
на диету и иду с Альжбеткой в
ночной клуб, а после я узнаю,
что любовь до гробовой
доски все же существует**

– Что ты ешь? – возмущалась Солька, махая в воздухе пустым пакетом от чипсов. Будь он полным, она плюхнулась бы сейчас перед телевизором и, доставая из шершавого пакета масляные прозрачные кусочки, запихивала бы их в рот.

– Что ты ешь? – продолжала Солька, указывая мне на заплесневелый батон белого хлеба и на открытую банку шпрот на столе. Могу спорить, мысленно она уже брала двумя пальцами рыбешку за хвостик и опускала ее в свой сварливый ротик. – Это все – долой! Ты начинаешь новую жизнь, и я тот человек, который тебе поможет.

– Вот счастья-то привалило, – сказала я, накалывая на вилку тоненькую, как Любовь Григорьевна, шпротку.

Солька взяла пакет для мусора, а это то, что я всегда покупала очень исправно, и сгребла в него все со стола. Я не

сопротивлялась: нравится Сольке быть властительницей моего желудка – ради бога, магазины все равно еще никто не отменял, а плесневелого хлеба, чтобы потешить Солькино самолюбие, мне не жалко.

– Ты начинаешь новую жизнь! – радостно повторила Солька. – Ты выходишь к людям из долгого, долгого заточения твоего пофигизма. Теперь ты на диете, влезаешь во все купленные за этот год шмотки и постоянно выходишь в свет, а то иногда, когда я тебя слушаю, я понимаю, что ты просто дикая.

– Не дикая, а одичавшая, – сказала я, наливая себе кофе.

После работы я зашла в магазин и пополнила запасы продовольствия у себя в квартире. Я же не знала, что у Сольки родится идея – начать за меня мою новую жизнь.

– Никакого кофе, – разошлась Солька, – только зеленый чай, помни про свои многострадальные почки.

– Ну да, – кивнула я, садясь за стол, – так что на ужин?

Солька победно улыбнулась и достала из холодильника тарелку с нашинкованной сырой капустой.

– Ешь, – светясь от счастья, сказала Солька, пододвигая ко мне тарелку с этим сеном.

– Хорошо, – понуро согласилась я, – только дай мне хлеба, колбасы, майонеза и рюмку водки, чтобы мне не было мучительно больно за бесцельно прожитый вечер...

– Аня! Ты слушаешь, о чем я тебе говорю? Ты вступаешь в новую жизнь, кругом все так чудесно и прекрасно, а ты уже

восемь лет ходишь в драповом пальто!

– Это не пальто, это защитная оболочка от внешней среды, от мира, это, если хочешь знать, философия моей жизни.

– Больше нет никакой философии, больше нет всего этого дерьма, – ласково сказала Солька, – есть ты, такая добрая и прекрасная, и сегодня ты еще к тому же идешь с Альжбеткой в ночной клуб.

– Нет, – отрезала я, – последний раз, когда я там была, все закончилось дракой, меня и не пустят.

– Пустят: ты оденешься, наклеишься, и кто посмеет не пустить подобную богиню, тем более что с того случая прошло полгода.

– Ну и что, хоть год, меня просто невозможно забыть!

Солька закатила глаза, а я засунула в рот капусту.

– Дерьмо.

– Согласна, – голосом медсестры, объясняющей душевнобольному, что мир не совершенен, сказала Солька и придвинула тарелку еще ближе ко мне, – ты сейчас хорошо должна поесть, чтобы в клубе тебе не хотелось, не стоит есть на ночь.

– Докатилась, я на диете...

– Заметь, на добровольной диете!

– Какая же она добровольная, если ты прокралась в мою квартиру – и зачем я тебе только ключи дала – и нарезала этой соломы?

– Ты хочешь похудеть?

– Да!

– Ты готова на все, чтобы похудеть?

– Нет!

– Да, да, да! – отчеканила за меня Солька.

Раздался звонок в дверь, и я пошла открывать. Альжбетка была прекрасна до полного моего раздражения. Пожалуй, я все же сяду на диету. Созрела.

– Ты еще не собралась? Давай быстрее, – сказала Альжбетка, вplывая в квартиру.

– Я собралась, – сказала я.

На мне все еще болталась коричневая юбка, теперь еще и продырявленная гвоздем.

Альжбетта направилась к моему шкафу, и через полчаса на мне красовались недавно купленные джинсы с расстегнутой пуговицей, а все это безобразие было прикрыто легким белым свитером.

– Сойдет, – оценив меня профессионально, сказала Альжбетта, – идем.

Я заботливо убрала остатки капусты в холодильник: это барахло мне еще пригодится. Тут уж ничего не поделаешь, новая жизнь всегда начинается с понедельника, с диеты и с клятвенных заверений, что я – супербизон и все смогу.

Солька чуть ли не перекрестила нас вслед.

У Альжбетты своя машина, иномарка. Для меня до сих пор загадка, как она называется. Сама Альжбетта называет ее лимузином, и я ей охотно верю, потому что мне вообще все равно, как она называется.

До клуба мы доехали молча: рабочий день меня утомил и хотелось спать.

Охранник кивнул нам при входе, вернее, он кивнул моей подруге, а так как Альжбетка тянула меня за рукав, то и мне досталось полкивка. В гримерной было полно длинноногих, ярко накрашенных девиц, все готовились к выступлению.

– Можно я тут в уголочке посплю? – спросила я.

– Нет, ты будешь сидеть в зале, пить мартини и смотреть на мое выступление.

– Зачем, вы уже полгода танцуете одно и то же, чего я там не видела?

– Так Солька велела, да и потом, ты должна найти себе парня, понимаешь, парня! Это нормально, когда у девушки есть парень, и это совсем ненормально, когда его нет. Я вот встречаюсь с Федором Семеновичем, и у нас прекрасные отношения.

Далее Альжбетка стала загружать мою голову всякой ерундой, от которой я уворачивалась, как могла, ибо знаю я эти «прекрасные отношения» – тоска...

Федору Семеновичу было сорок восемь лет, Альжбетке тридцать, и это чуть ли не диагональное неравенство вызывало у меня приступы тошноты. Тем более что данный фрукт явно не заслуживал роскошную Альжбетку, и тех денег, которые он зарабатывал, на мой взгляд, было мало, чтобы как-то уравновесить шансы. Но Альжбетке этого хватало, тем более что к своему «пупсику» она испытывала некоторые сю-

сюкательные чувства, чем вообще поражала меня.

– Ты его совсем не знаешь, – говорила она время от времени, – он такой милый!

– Возможно, но не мог бы он быть милым где-нибудь в другом месте? – просила я, когда Альжбетта тащила его на наши редкие вечеринки.

– Зато он заплатит.

Аргумент был весомый, и уже через полчаса я переставала цепляться к милому Федору Семеновичу, тем более что он дико меня боялся, а так как мужчины в этом возрасте подвержены инфарктам, я не хотела брать подобный грех на душу.

Я выползла в зал и уселась за столик поближе к сцене. Я решила смотреть в основном на Альжбеткины ноги, и, может, тогда диета не покажется такой ужасной: ведь впереди меня будет ждать что-то подобное.

Сначала на маленькой сцене извивались полуодетые девчонки, потом Альжбетка с подружками станцевала что-то похожее на канкан, а я выпила три бокала martinis и успокоилась. Культурная часть была закончена, можно собираться домой, хотя мне вряд ли сегодня повезет в этом: Альжбетта, помнится, собиралась сегодня гулять до утра.

Но мне как раз повезло. Приехал Федор Семенович и с визгливыми писками: «Альжбеточка, ласточка» – запрыгал вокруг нашего столика. Мне всегда казалось, что он хочет, чтобы как можно больше народа узнало, что до его персоны

снизошла такая вот ласточка.

– Мы сейчас же поедem кататься по ночной Москве, – заверещал Федор Семенович, глядя меня по плечу.

Судорога сжала мои руки в кулак, и, боюсь, если бы не своевременное отступление этого рыхлого пузыря, он бы о многом сегодня пожалел. Мой взгляд дипломатично дал ему понять, что он позволил себе лишнее.

– Поехали, – решительно сказала Альжбетта, – здесь уже все надоело.

Мы колесили по Москве два часа, пока я не намекнула, что хочу спать, что у меня теперь есть работа и что одной тоненькой женщине с тоненькими очками вряд ли понравится, если я опоздаю.

Альжбетта сжалилась и велела сворачивать к дому. По пути она сыпала советами в мой адрес и обещала за две недели сделать из меня настоящую красотку. Я скажу честно: я и так такая красotka, что мало не покажется, просто этой расфуфыренной кукле нравится думать, что она – королева красоты, а всем остальным есть чему у нее поучиться.

Славик пилил, у остальных зависла тишина, я с наслаждением достала ключи и сунула их в замочную скважину: что может быть приятнее, чем оказаться дома!

Когда раздался звонок в дверь, мне снилась хорошая отбивная и булочка, посыпанная кунжутом. Я не хотела вставать, я должна была съесть это хотя бы во сне. Но звонок звонил и звонил, а булочка таяла и таяла. Я гневно свесила ноги

с постели, накинула ситцевый халат и пошла открывать. Мне даже не надо было спрашивать, кто это, потому что стоило мне взяться за ручку, как я услышала тихий вой Альжбетты:

– Открывай, открывай же скорее-е-е...

Я открыла дверь и, отказываясь открывать глаза, спросила:

– Что?

– Он умер!

– Кто?

– Федор Семенович!

– Где?

– На мне!

Я открыла глаза.

– Понимаешь, – затараторила Альжбетка, – он умер, когда мы, ну ты понимаешь...

– Когда вы занимались тем, чем я не занималась около года? – спросила я.

– Ну да, у него, наверное, инфаркт...

– Я думаю, он заснул, – зевая, сказала я, – ты просто была не слишком активна.

Я попыталась закрыть дверь, так как мне показалось, что этот вопрос я уже решила.

– Ты что, сошла с ума? Ты понимаешь, что еще пять минут назад на мне лежал голый труп!

– Не ори, – сказала я на всякий случай.

Я впустила Альжбетку в квартиру и потащила на кухню.

Стакан холодной воды сделал свое дело, и она заговорила более размеренно:

– Понимаешь, он же не совсем обычный.

– В каком смысле? – спросила я, надеясь что, может, хоть косвенно была знакома с умершим гомосексуалистом.

– Он... ну, как бы бандит, но хороший.

– Робин Гуд, – предположила я.

– Да, – охотно закивала Альжбетка, – то есть нет, ну что ты несешь!

Она зарыдала.

Скажу честно: меня это все забавляло, не так много женщин могут похвастаться, что довели своей страстью мужчину до могилы, и не так много мужчин могут похвастаться, что пали смертью храбрых на такой красивой тетке, как Альжбетта.

– Пойдем посмотрим, – предложила я.

Федор Семенович представлял собой жалкое зрелище. Поверьте мне, никаким Робин Гудом тут и не пахло.

– Ты бы ему хоть достопримечательности прикрыла, – морщась, сказала я.

Альжбетка подлетела к кровати и накинула на бездыханное тело полотенце, валявшееся в кресле.

– Вот к чему приводят случайные половые связи! – назидательно сказала я.

– Он не случайный, мы уже полгода вместе.

– Расскажешь это его друзьям.

Вообще-то, поверить в то, что Федор Семенович был крутым бандитом, я не могла, скорее всего, он был мошенником средней руки, а Альжбетке наплел все это в качестве романтических бредней. Хотя, по мне, отношения с бандитом – не самая лучшая перспектива, но Альжбетке, видно, нравилось.

– Он что-нибудь у тебя пил, ел?

– Ты что, хочешь сказать, что я его отравила?!

– Я-то нет, но желающие найдутся.

– Что делать-то... – заныла Альжбетка.

– Иди буди Сольку, она как ботаник разберется, может, его еще искусственное дыхание спасет.

Альжбетка метнулась в тамбур, а я подошла к несчастному Федору Семеновичу.

– Эх, друг, – сказала я, – тебе бы с тетей Пашей куролесить, а ты вон какую жар-птицу захотел!

Я потрогала пульс. Его, собственно говоря, не было.

Через пять минут прибежала Альжбетка с заспанной Солькой. Увидев обнаженного мужчину, учительница ботаники взвизгнула.

– Ты что? – спросила я. – У вас разве по ботанике это не проходят?

– Нет, не проходят, – прошипела Солька.

– Жаль, хотя у цветов все то же самое, пестики-тычинки, а я вот слышала, что паучихи после страстных объятий убивают и пожирают паука.

– Ботаника к этому не имеет никакого отношения, – гроз-

но сказала Солька.

– Девочки, не ссорьтесь, надо же что-то делать, – замахала руками Альжбетта.

– Звоним в милицию, – приняла решение Солька.

– Вы что, вы что! – забегала кругами Альжбетка. – Меня же его дружки найдут и прихлопнут. Что они, разбираться будут?!

Мы немного посоветовались. Солька стояла за правое дело и уже раз пять порывалась набрать нужный номер, я хранила нейтралитет, а Альжбетка умоляла нас как-нибудь это замять.

Многое можно, конечно, замять, но вот Федор Семенович был слишком объемён для этого.

– Давай все же в милицию, – сказала я, – все равно к тебе его искать придут.

– Нет, – решительно сказала Альжбетка, – помогите, умоляю!

В моей голове был какой-то туман, а в животе – скомканная сырая капуста, только этим я и могу объяснить свои следующие слова.

– Иди к Славке, пусть даст гроб, – сказала я.

– Что?! – хором отозвались девчонки.

– Давайте-ка быстрее, мне завтра на работу.

Девчонки попятились к двери, а я стала приводить тело Федора Семеновича в более культурный вид. Тело не поддавалось, да и руки у меня тряслись.

Девчонки вернулись, неся деревянный ящик с крышкой, вернее, крышку несла Солька, ей ящик было не поднять, а самую тяжелую работу выполняла Альжбетка. Чтобы не видеть весь этот ужас, мы кое-как погрузили Федора Семеновича в гроб, накрыли крышкой и сели передохнуть и обсудить дальнейшие планы.

– Зароем у тебя в школьной оранжерее, – саркастично предложила я.

Солька подпрыгнула до потолка и замахала руками: она была в таком шоке от этого предложения, что даже не могла говорить.

– А что вы сказали Славке? – спросила я.

– Что для сохранения осанки полезно спать в гробах, – ответила Солька.

Я облегченно вздохнула: ведь могут, когда захотят...

– Давайте его куда-нибудь подбросим, – предложила я, – своего рода подкидыш.

– Это как? – не поняла Солька.

– Ну, дотащим до магазина и оставим.

– Так его найдут, и будет следствие, – заныла Альжбетка.

– А может, его какой-нибудь добрый патологоанатом усыновит?

– Дура ты, Анька, – сказала Солька, – и шутки твои дурацкие, ты понимаешь хоть, что, не желая того, Альжбетка человека убила...

Скажу честно, мне это в голову не приходило. Я устави-

лась на Альжбетку, как на музейный экспонат, и спросила:
– Полученное удовольствие хоть стоило того?

Глава 4

**Мы принимаем решение,
которое пока неизвестно, чем
для нас обернется, а также
я опять иду на работу, что
начинает меня уже радовать**

Требовались решительные действия, и для начала мы вытащили недавно умершего Федора Семеновича из его деревянного пристанища и стали одевать. Вернее, делали это я и Альжбетка, а Солька сидела в углу, зажмурив глаза.

– Скажи мне, Солька, – спросила я, – ты просто брезгливый человек, ты не хочешь нам помочь или ты наивно полагаешь, что все, что не видно тебе, на самом деле не происходит?

– И первое, и второе, и третье, – ответила она.

– А почему же ты помочь нам не хочешь? – спросила Альжбетка, засовывая руку своего бывшего ненаглядного в рукав голубенькой рубашки.

– А потому, что вас посадят!

– Милое дело, – сказала я, – а ты, значит, тут ни при чем?

– Абсолютно, – замотала головой Солька.

– Предательница ты, Солька, – сказала я, – с тобой в разведку не пойдешь.

– А какого черта! – взвилась Солька и открыла глаза.

Увидев голого Федора Семеновича во всей красе, она вскрикнула, опять зажмурилась и продолжила:

– Я с ним не спала, он за мой телефон не платил, он даже за свет не платил, мне от него ни холодно, ни жарко.

– Ну не скажи, – возразила я, – тебе от него теперь будет холодно, потому что он пока полежит в твоей квартире.

– Что?! – взвизгнула Солька.

– У Альжбетки нельзя, она подозреваемая номер один, я еще вчера была безработной, доверия ко мне нет, а ты – сама порядочность, ботанику детишкам преподаешь, на тебя не подумают.

– Девочки, миленькие, – взмолилась Солька, – да как же так, он же мертвый!

– Вот и хорошо, значит, тебе бояться нечего, приставать не будет, и потом, это только до завтра, не грусти, – успокоила я ее.

Солька залезла с ногами на диван и побледнела.

– Ты чего? – настороженно спросила я.

– Шевелится...

– Что шевелится? – не поняла Альжбетка.

– Ну этот, как его...

– Говори, не тяни, – я нахмурила брови.

– Орган его, девочки, у него орган этот противный шеве-

лится!

– Фу, напугала, пусть шевелится, это у него ненадолго, окаменеет – и полная импотенция.

– Анька, прекрати, – сказала Альжбетка и всплакнула, – он мне все же был близким человеком!

– Близкие – это мы тебе, а он так, мимо шел...

Одев заметно остывшего Федора Семеновича, мы общими усилиями положили его в гроб и отошли посмотреть. Гроб ему был к лицу.

– Знал ли этот, в общем-то, неказистый человек, что умрет так красиво? – залюбовавшись, сказала я.

– Помолчи, – зло сказала Альжбетка, – о покойниках вообще нельзя плохо говорить.

– Ну, твой покойник, тебе виднее, – согласилась я. Посмотрев на Сольку, я добавила: – У тебя место-то есть, куда ставить будем?

– Вы что это, серьезно? У меня нет места, совсем нет места, даже самого маленького местечка нет! Вы, девки, как хотите, а я в свою квартиру труп не пущу.

Мы с Альжбеткой переглянулись, накрыли Федора Семеновича крышкой и сели на гроб. Наши голые коленки торчали из ночных рубашек, а стоптанные тапки были надеты не на те ноги: правый тапок на левую, и наоборот.

– Ладно, – сказала я, – отнесем его в трехкомнатку, пусть там постоит, завтра вечером решим, что делать, надо будет его как-то куда-то закапывать.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – запрыгала на месте Солька, довольная, что этот кошмар минует ее квартиру, – ты очень хорошо придумала!

– А вдруг он пахнуть начнет? – забеспокоилась Альжбетка.

– Возможно, и начнет, он и при жизни-то частенько пах, – морща нос, сказала я.

– Аня, я прошу тебя! – взмолилась бывшая любовница Робин Гуда.

– Ну да, все время забываю, что нельзя про покойников говорить правду.

– Он точно начнет вонять, – заволновалась Солька, и ее понять можно было: трехкомнатная квартира соседствовала только с ее жилплощадью.

– Мы его забальзамируем, – предложила я.

– Это как? – спросила Солька.

– Тащим сюда все духи и освежители воздуха, – сказала я, – вернее, нет, тащим это все вместе с милым, добрым, отзвучивым Федором Семеновичем в трешку, там мы это дело и закончим.

Солька выглянула в коридор. Никого не было, на дворе царила ночь, но от тети Паши можно всего ожидать: когда у нее бессонница, она моет полы на лестничной клетке. Сегодня, видно, она спала хорошо. Мы потащили гроб к двери пустующей квартиры. Дверь в свое время была опечатана, но мы ее лет сто назад распечатали и время от времени устра-

ивали там вечеринки. Так что все сделали, как всегда: аккуратно отлепили бумажку с сургучом, гвоздем поддели замок и втащили гроб с Федором Семеновичем на середину большой комнаты.

– Уснувшая Белоснежка и три верных гнома, – прокомментировала я.

Альжбетка закатила глаза и побежала за своей парфюмерией. Солька бросилась за своей, я же не двинулась с места, полагая, что обойдемся в этом и без моих запасов. Забальзамировали нашу Белоснежку мы качественно, пах он так, что местами казалось – не то еловый лес заколосился где-то рядом, не то урожай лимонов удался, не то вишневый сад рубили именно в этой комнате.

Я осталась довольна проделанной работой, сказала усопшему последнее «Спи спокойно, дорогой товарищ» и со словами: «Мне завтра на работу» – отправилась в свою комнату. Девчонки выскочили за мной, Солька приделала печать на место, и вопрос с безвременно усопшим Федором Семеновичем на сегодня был закрыт.

Будильник зазвонил, как самая последняя зараза. Открыв глаза, я подумала о том, что мои сны стали прогрессировать в сторону кошмаров. Где, где эти прекрасные принцы, эти голубые бассейны или хотя бы порция клубничного мороженого, почему мне это перестало сниться лет семь тому назад? С закрытыми глазами я пошла в ванную. Противный запах тянулся за мной по комнате и коридору.

– Почему так воняет... – пробормотала я.

Я зашла в ванную, разлепила глаза и посмотрела на свое сонное отражение.

Пахло еловым лесом, лимонами и вишневым садом.

– Черт, – сказала я и закрыла глаза.

Я вымылась три раза, на всякий случай, чтобы больше не чувствовать себя частью искусственной природы. Быстро оделась и отправилась на работу. В голове стучала мысль – что же делать, что же делать? Но эту мысль я гнала подальше в надежде, что все как-то утрясется.

– Ты опоздала, – сообщила мне моя тонюсенькая начальница.

– Простите меня, этого больше никогда не повторится. Понимаете, моя подруга занималась сексом с не совсем свежим человеком, то есть, я хотела сказать, с не совсем молодым, и, понимаете, он умер в тот самый момент, когда она решила, что счастье уже близко. Так вот, мы всю ночь таскали этот труп из комнаты в комнату и не знали, что делать. Голова просто раскалывается!

Любовь Григорьевна заплакала и убежала в свой кабинет. Чуткая женщина, мне и то не так жалко Федора Семеновича, хотя я с ним, по крайней мере, была знакома.

Зазвонил телефон, это был мой шеф.

– Аня, – сказал Валентин Петрович, – у меня важная работа, ни с кем меня не соединяй.

– Не волнуйтесь, я все равно не умею этого делать.

– Постарайся научиться, однажды это может пригодиться, – посоветовал мой шеф и положил трубку.

Полчаса я скучала, полчаса думала о трупe, полчаса мечтала о бутерброде с сыром, а потом зазвонил телефон.

Я взяла трубку.

– Фирма «Ланди».

Сколько я учила, что ударение должно быть на последнем слоге!

– Мне нужен Селезнев.

– Очень жаль, но он сейчас делает то, что никак не позволяет ему пообщаться с вами.

– Это фирма «Ланди»? – спросил строгий мужской голос.

– Ну да, разве я не сказала?

– Я перезвоню.

Трубку бросили. Не очень-то и хотелось!

Телефон зазвонил еще раз, и я, готовая к бою, грозно произнесла:

– Фирма «Ланди»!

– Если ты будешь так орать, то тебя оттуда уволят очень быстро, – услышала я голос Сольки.

– Что случилось, завяли лютики?

– Нет, в нашу квартиру сегодня вселились, вернее, вселяются прямо сейчас, прямо на моих глазах!

– В какую – нашу? – не поняла я.

– В трехкомнатную, мы в ней вчера кое-что оставили, – понижая голос до шепота, сказала Солька, – это, я надеюсь,

ты помнишь?

Я тряхнула головой, слабо представляя себе все это.

– Помню... И что?..

– А ничего, вселились и носят вещи, грузовик огромный приехал.

– А Федор Семенович? – спросила я.

– Он не заходил, тьфу, то есть не выходил, то есть его как будто нет!

– Что значит – нет? Не хочешь ли ты сказать, что нам троим приснился один и тот же кошмар?

– Слушай, а может, они его не заметили? – предположила Солька.

– Кого? – не поняла я.

– Ну, Федора Семеновича.

– Ты что вообще говоришь, мы его посреди комнаты оставили! И потом, он так пахнет! – я вспомнила утреннюю свежесть елового леса.

– А может, он встал и ушел?

От Солькиных предположений голова моя пошла кругом. И это учительница ботаники!

– Где Альжбетка? – спросила я.

– У меня, сидит на стуле и рыдает.

– Так, – сказала я, – до вечера оставаться всем на своих местах. Славик пилит?

– Нет, не пилит, он оставил мне ключи и уехал поднимать целину.

– Далеко уехал?

– Огород бабке своей копать в деревню.

– Это хорошо, это правильно, – сказала я, – старшим надо помогать. Сидите и ждите меня, буду вечером.

– А если милиция, а если о чем-то спросят? – запаниковала Солька.

– Никого не впускать, никого не выпускать, вас вообще нет дома, сидите как мыши. У Альжбетки остались какие-нибудь вещи этого покорителя длинноногих красавиц?

Солька отстранила трубку и стала перешептываться с Альжбеткой.

– Барсетка и куртка, – объявила она через минуту.

– Незачем этому бараклу лежать у Альжбетки, тащи ко мне, спрячь под ванну.

Я положила трубку и впала в глубокую задумчивость, из которой меня вывела Любовь Григорьевна.

– Аня, это все надо напечатать к четвергу.

– А к среде можно?

– Не поняла? – очки поползли вниз.

– К среде можно напечатать?

– И ко вторнику можно, – растерялась Любовь Григорьевна, – но торопиться совсем не обязательно.

– Очень даже обязательно, – сказала я, – потому что я, знаете ли, решила стать у вас самым лучшим сотрудником.

– Ты?! – изумилась тоненькая женщина и затряслась всем телом не то от смеха, не то от нервов.

– Я!

Как только она ушла, я стала нервно печатать. Когда я нервничаю, у меня скорость ударов увеличивается втрое, я с трудом могу себя остановить. Напечатав кучу бумаг досрочно, я их тут же отнесла в кабинет Любове Григорьевны.

– Зачем же было так торопиться? – занервничала бедняжка.

– Хочу пораньше уйти с работы.

– Это тебе надо отпрашиваться сначала у Валентина Петровича.

– А если он отпустит?

– Тогда и ко мне, тоже отпрашиваться.

– А нельзя ли сократить затрачиваемый труд и уже сейчас отпроситься у вас, конечно, на тот случай, если господин Селезнев будет так любезен, что отпустит меня?

– Я что-то запуталась, – поправляя очки, нервно сказала Любовь Григорьевна, – иди к Селезневу, пусть он решит.

Я не пошла к Селезневу: я решила ждать известий от Сольки.

Она позвонила еще через час.

– Что? – спросила я замогильным голосом.

– Они внесли уже почти все вещи, мы с Альжбеткой дежури́м у окна.

– Вы там не высовывайтесь!

– Ты что, мы смотрим в дырку в шторке, хорошо, что я ее не зашила.

– Ты всегда была очень дальновидной. Так говоришь, все внесли?

– Осталось немного из мебели.

– Панику не поднимали?

– Кто?

– Они.

– Нет, все нормально у них вроде.

– А отчего бы им грустить, – сказала я, – запах в квартире приятный...

– Прекрати сейчас же, ты там, а мы здесь, – заворчала Солька, – мы тут как на вулкане!

– Какие они из себя, эти соседи?

– Она маленькая, толстенькая, с красными губами, а он худой – так, ничего особенного.

– Пеки пирог, – сказала я.

– Зачем?

– Вечером пойдем знакомиться, мы же соседи, причем соседи добрые и чуткие, так что пеки пирог.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

В приемную зашел волшебный мужчина Борис Александрович. Расскажу подробно, что в нем было волшебного. Он меня так волшебным образом раздражал, так магически нервировал, что я превращалась в ведьму и уже мечтала о шабаше на Лысой горе, где Семенов Борис Александрович, великий и могучий начальник планового отдела, сгорел бы на костре от

моей спички, и, поверьте, никакие угрызения совести меня бы не беспокоили.

– Мне Селезнева.

– Занят.

Я в кино видела, как говорят это чудесное слово «занят» – четко и без всяких там улыбочек.

– Мне он нужен срочно.

– Не выйдет.

– Почему?

– Занят, – так же упорно повторила я.

Не обращая на меня внимания, Семенов пошел к двери, дернул ее на себя и вошел в кабинет. Я решила, что никогда не буду такой секретаршей, которая влетает вместе с непослушным пронырой в кабинет начальника и кричит: «Помогите, спасите, он меня не слушается!» – нет, я отомщу! Просто отомщу.

Борис Александрович вышел через минуту, это говорило о том, что его не приняли, он был зол и явно нарывался на скандал.

– Чаю хотите? – спросила я, протягивая ему кружечку ароматного зеленого чая.

Семенов резко взял кружку, капли пролились на ковер, отхлебнул, через секунду скукожился и спросил:

– Что это? Яд?

– Нет, – захлопала я ресницами, – зеленый чай «Глаз дракона», очень способствует пищеварению, благоприятно дей-

ствует на почки, и не будем забывать о потенции, в вашем возрасте уже нельзя забывать о ней...

Борис Александрович плюнул прямо в чашку и развернулся, чтобы уйти.

— Я забыла вам сказать, о путник, о странник! Моя бабка была ведьмой, и я, как ее потомок, унаследовала от нее много чего хорошего, а главное, плохого. Никогда не плюйте в воду, иначе все белое в вашей жизни станет зеленой тиной...

Борис Александрович пристрелил меня взглядом, повесил на реях, расчленил, сжег на костре и бросил на съедение к диким зверям в клетку...

Кружку он унес с собой, и я уверена: в своем кабинете он выпил все до дна, проклиная и меня, и мою бабку.

Глава 5

**Мы знакомимся с соседями,
они оказываются вполне
милыми людьми, и особенно
нам в них нравится то, что
они решают нашу проблему**

Солька открыла мне дверь, и если бы не моя бронированная после вчерашней ночи нервная система, то, мягко говоря, я бы удивилась, увидев ее столь... домашней.

На голове у Сольки был немислимый чепец, завязанный спереди в узелок, а фартук в оранжевый цветочек, впрочем, как и все лицо моей подруги, был перемазан чем-то белым, руки ее представляли собой смесь пальцев с гипсом.

– Это что? – спросила я.

– Печем пирог, как ты и велела, – отрапортовала Солька.

– Молодцы.

Я вошла на кухню и посмотрела на Альжбетку. На ней был красный японский халат, желтый фартук в белый горошек и тапочки с каблуком десятисантиметровой высоты.

– Так и пойдем, – оценив обстановку, сказала я, – сразу видно, старались, и с душой. А почему не пахнет пирогом?

– Так мы его приготовили иным способом, – сказала Солька, пододвигая ко мне коробку, на которой было написано: «Готовые коржи для медового торта».

– Молодцы, – похвалила я, – а почему все в муке?

– Так их как-то слепить, наверное, надо, – предположила Альжбетка.

И это будущие жены и матери! Я тяжело вздохнула.

– Надо, – сказала я, – их кремом надо слепить.

Я полезла в холодильник и нашла баночку сметаны, полбанки сгущенки и уже почерневший банан. На мой взгляд, этого достаточно для того, чтобы сделать даже свадебный торт.

За пять минут торт изменился кардинально. Из трех коржей, заляпанных Солькой, он трансформировался в торт «Идеал», иначе его просто никак нельзя было назвать: все было промазано найденными продуктами и сверху по кругу выложено кружочками банана. Кружочки на глазах темнели, но мы делали вид, что это темнеет за окном.

– Присядем на дорожку, – велела я.

Мы уселись кто куда.

– Солька, сотри с лица эти белила, – сказала я.

В дверь звонила Альжбетка. На ее лице застыла самая доброжелательная улыбка, а японский халатик обнажил часть груди, на тот случай, если дверь откроет мужская часть новоселов. Солька отмыла руки и нервно засунула их в карманы фартука, я же на фоне этих богинь домашнего быта – в

футболке, джинсах и кроссовках – смотрелась как студентка-второгодница, причем вечернего института. Но, с другой стороны, я олицетворяла рабочую молодежь, что тоже было неплохо.

Дверь открыла маленькая толстенькая женщина, с губами, обведенными алой помадой. Пучок ее волос пестрел всеми видами красок, что говорило либо о незаурядности натуры, либо о том, что денег на парикмахерскую ей было жалко.

Ее лицо расплылось в добрейшей улыбке, и, оглядев нас с ног до головы, она спросила:

– Вы кто?

Я подала Альжбетке знак, что грудь можно прикрыть, в первом акте она не пригодится, и ответила за всех:

– Мы ваши соседки.

– Вот, испекли пирог, – начала Альжбетка, приносившаяся к запахам в коридоре, – хотим познакомиться, так сказать.

Пирог – это был вернейший ход, без пирога могут и выставить, а вот с пирогом – никогда, пирог – это пропуск в любое место.

– Тусик, Тусик, иди сюда! – заверещала наша соседка.

Из-за ее спины вынырнул щуплый мужичонка с тремя волосинками на голове.

– Видишь, Тусик, это девочки пришли нас поздравить с новосельем, поди-ка там прибири!

Тусик исчез так же быстро, как и появился.

– Извините, – сказали ярко-красные губы, – небольшой

беспорядок, сами понимаете, мы только въехали.

– Конечно, конечно, – закивала Солька.

Мы немного потоптались в тамбуре.

– Заходите, – раздался голос Трех Волосин.

И мы вошли в квартиру. В квартиру, где мы так часто устраивали вечеринки, где мы веселились до утра, где мы даже однажды сдавали комнаты, пока участковый не сделал нам выговор, в квартиру, в которой мы оставили гроб с Федором Семеновичем, большим любителем Альжбеткиных прелестей.

Нас пригласили в гостиную. Именно там и нашел вчера пристанище пахнувший лесом, наспех одетый и даже не заколоченный Федор Семенович. Следов его пребывания не было. Соседка засуетилась с посудой, но мы, сославшись на простоту в отношениях, попросили нож, разрезали торт и стали лопать его всухомятку.

– Давайте же знакомиться, – подскочила пухленькая тетечка, – меня зовут Вера Павловна, а это мой Тусик – Макарушка.

– Очень приятно, – закивали мы головами и с полными ртами тоже стали представляться.

Надо сказать, что торт оказался не так уж и плох, и, так как мы все были изрядно голодны, можно сказать, что мы-то его и слопали. Может, оно и к лучшему: если уж кому-то и грозит несварение, то пусть это будем мы, создатели сего творения.

– Как вам у нас нравится? – спросила Солька.

– Душевно, очень душевно, – закивала Вера Павловна.

Я приняхалась. Если лимон растворился в воздухе, если вишня улетучилась, то ель ничем не возьмешь. Я была уверена, что труп еще здесь и эти люди делают вид, что все в полном порядке. Они куда-то припрятали нашего горячо любимого Федора Семеновича, а теперь изображают из себя гостеприимных хозяев. Впрочем, и мы играли заранее заготовленные роли.

Девчонки трещали непрерывно, что было неплохо: мы изо всех сил изображали добродушных соседок, которые рады новым знакомствам.

– А кто еще проживает на этом этаже? – спросила Вера Павловна.

– Тетя Паша, – отозвалась я, медленно прохаживаясь по квартире и заглядывая в углы, – она вам понравится, очень милая женщина, правда, у нее бессонница, но даже это на пользу: в такие вечера она обычно моет лестничную клетку. Пожалуй, у нас самый чистый этаж.

– И самый дружный, – заглывая колесико банана, сказала Альжбетка.

– А еще у нас живет Славка, – весело объявила Солька, – вы знаете, чем он целыми днями занимается?..

Она не успела закончить, потому что это сделала я:

– Он мебель выпиливает, и, вы знаете, его лучше не беспокоить, он бывает немного агрессивен, если ему мешают

работать. Вдохновение и все такое, творческие люди – очень капризные.

– Ты слышишь, Макарушка, какие прекрасные люди нас окружают!

Альжбетка слегка наклонилась, и халатик соскользнул с ее плеча, обнажив половину ее уж точно прекрасной груди.

– Вы извините, нам уже пора, – сказала я, боясь, как бы Альжбеткина грудь не смазала хорошее впечатление о нас: кто знает, может, эта Вера Павловна ревнива?

– Было очень приятно познакомиться, но мы не хотим вам докучать, переезд – это всегда так хлопотно, – затараторила Солька.

– Ну что вы, ну что вы, – замахала руками Вера Павловна, выпихивая нас своим животом за дверь, – просто мы немножко утомились, столько новых впечатлений!

Довольно радушно нас выставили.

Мы разместились у Сольки и стали подслушивать, но никаких звуков до нас не долетало. Мы пробовали и с кружкой ползать по стене, и прикладывать ухо к розетке, и высовываться в окно – все безрезультатно.

– Сегодня ночуем у тебя, – подвела я итог, – будем следить за ними ночью. Труп уже далеко не первой свежести, выносить они его будут сегодня.

Альжбетка захныкала, и я протянула ей кружевную салфетку из-под вазы. Еще в шестом классе Солька связала ее крючком, за что получила незаслуженную четверку. Альж-

бетка так нещадно сморкалась в эту салфетку, что Солька, глядя на нее, тоже разревелась.

– Откуда у тебя столько соплей? – изумилась я.

– Это не сопли, – запричитала Альжбетка, – это моя боль из меня выходит!

– Хватит, у нас сегодня куча дел. Переодеваемся во все темное, дежурство у окна по очереди, собираемся здесь через полчаса.

Мы с Альжбеткой разошлись по своим квартирам – переодеваться, а Солька бросилась отстирывать дорожную ее сердцу салфетку.

Мы решили не зажигать свет, не курить и разговаривать шепотом, а лучше – молчать.

Первой не выдержала Солька:

– А почему они в милицию не сообщат? Я бы сообщила.

– Не сомневаюсь, ты у нас ходячая совесть.

– Боятся, – предположила Альжбетка.

– А чего им бояться-то? – не унималась учительница ботаники.

– Что на них подумают.

– Глупости, – сказала я, – кто на них подумает, они въезжают, открывают дверь и начинают орать. Нормальная реакция нормальных людей.

– Так они что, ненормальные? – спросила Солька.

– Я думаю, они что-то скрывают и им невыгодно обнаруживать себя подобным способом.

– Как это так? – спросила Альжбетка.

– Может, они судимые за убийство, а тут – труп. Просто бояться, что им не поверят, или натворили дел каких и скрываются сейчас, не зря квартиру сменили, к чему им такая шумиха? Так что Федор Семенович очень удачно умер вчера, теперь о нем есть кому позаботиться, – объяснила я.

Дверной замок в коридоре щелкнул, дверь открылась. Тишина, дверь закрылась.

– Идут, – сказала я, – сколько времени-то?

– Полтретьего уже, – сказала Альжбетка, глядя на мобильник.

Дверь в коридоре опять открылась, и, судя по звукам, доносившимся до наших ушей, прижатым к входной двери, можно было сделать вывод, что тащат что-то большое.

Альжбетта осторожно приподняла крышечку глазка и посмотрела в коридор. Мы знаками стали спрашивать – что она видит?

Она присела и шепотом сообщила нам, что в коридоре – семья новоселов вместе с огромным темно-синим чемоданом.

Представить себе, что Федор Семенович поместился в чемодан, я не могла, хотя, если особо постараться и чемодан вместительный, то все возможно. Приехал лифт, и чета наших соседей, погрузившись, уехала. Мы выскочили в коридор, по которому разносился запах елового освежителя воздуха с еще какими-то неприятными мотивами, и побежали

вниз по лестнице: нам никак нельзя было их упустить.

Путь новоселов лежал к гаражу за домом. У них оказалась вполне приличная иномарка, в которую они запихнули пахнущий чемодан. Немного прогрев машину, особо не торопясь, они уехали в сторону Кольцевой дороги. Мы остались стоять за углом дома в глубоких размышлениях

– Альжбетка, поедem на твоей машине, – спохватилась Солька.

– Нет, – замотала она головой, – меня это больше не касается, это их проблемы.

Это был исторический момент – когда Альжбетка разорвала все отношения с покойным Федором Семеновичем!

Девушки посмотрели на меня как на человека, который примет окончательное решение.

– Пошли спать, – сказала я.

Проходя мимо помойки, мы обнаружили распиленный гроб. Он представлял собой просто кучу досок, и никому в голову не могло бы прийти, что еще недавно это был ловко сколоченный Славкой коробок, в котором так уютно лежал Федор Семенович.

– Вот жизнь... – сказала Солька.

– Точно, – подтвердила Альжбетка.

– Когда только вынесли? – изумилась я.

– Все успели, – зло подытожила Солька.

– А нам-то что теперь, радоваться или нет? – спросила Альжбетка.

– Однозначно, радоваться, – объявила я, – с деталями разберемся потом, мы теперь за этот труп ответственности не несем, вахту сдал – вахту принял.

Мы немного постояли на улице молча.

– Как у тебя на работе-то? – поинтересовалась Солька.

– Погано... не мне, конечно... им всем, но почему-то меня не увольняют.

– А как начальник? – спросила Альжбетка.

– Ничего интересного, девочки, ровным счетом ничего интересного, болото какое-то.

Мы не торопясь дошли до своего этажа и обнаружили там тетю Пашу, которая изо всех сил драила ступеньки.

– Бессонница? – сочувственно спросила я.

– Она самая... подкралась незаметно, я-то уж думала, что сплю, – ответила тетя Паша, смахивая пот со лба.

– А у нас соседи новые, – похвасталась своими знаниями Солька, – мы с ними уже познакомились.

– И как они? Интеллигентные? – спросила тетя Паша, подтягивая вытянутые на коленках тренировочные штаны.

– Нет, – ответила я, – лампочки будут выкручивать, если вы на этот счет интересовались.

– Ах, паразиты! – понеслось по этажу.

Глава 6

На работе меня ждет сногшибательный сюрприз.

Поедая пирожки, мы пытаемся осмыслить происходящее

Если кто-нибудь может после такого заснуть, то уж точно не я, так что до утра я сидела на стуле у окна и жевала капусту. Вообще-то аппетит давно пропал, наверное, запахи использованных нами освежителей навсегда убили во мне тягу ко всему, что пахнет, так что еда перестала быть культом. Это огорчало и радовало одновременно. Привычные диалоги с холодильником были упразднены, и теперь в минуты одиночества поболтать будет не с кем, но, с другой стороны, впереди маячила лодка с парусом, на котором было написано – 46-й размер!

Не дожидаясь, когда будильник споет свою гадкую песню, я оделась и отправилась на работу. Раз я собралась стать самым лучшим сотрудником, то такой ранний приход только на пользу моей карьере.

Я полагала, что буду единственной ранней птицей, но ошиблась: в восемь утра на первом этаже уже намечалось вялое шевеление масс.

Около зеркала я столкнулась с Ларисой. Она вроде в бухгалтерии работает, молоденькая девчонка лет двадцати, и что это она крутится перед зеркалом в таком возрасте? Это просто преступление, чего она там не видела? Двух стройных ног? Своей аккуратненькой попки или талии, которая пролезет в игольное ушко?

– Привет, – помахала она мне рукой.

– Привет, – ответила я, пытаюсь не замечать ее груди четвертого размера.

Но сделать это было трудно, грудь, точно два уверенных танка, перла напролом и притягивала мой взгляд к себе.

– Как тебе у нас? – поинтересовалась эта невозможная Лариска.

– Как в блиндаже: кругом летят пули, а я кричу в трубку, чтобы слали подкрепление.

Лариса хихикнула и отправилась к себе, сводить дебет с кредитом.

На лестнице я встретила Бориса Александровича. Он по-прежнему был блондином и по-прежнему волшебным меня раздражал.

– Что-то ты рано, малышка, – протянул он.

– Застегните ширинку, – грозно сказала я, – а то все увидят, что там ничего нет!

Борис Александрович не одобрил мой выпад: он как-то скукожился, стал гораздо меньше в размерах, одной рукой схватился за голову, а второй – за ширинку. По всей види-

мости, то, что у него в голове, как-то связано с тем, что у него в брюках.

Я открыла дверь в приемную и, швырнув сумку на стул в углу, сделала решительный шаг к своему рабочему месту...

На моем столе в какой-то неестественной позе лежал Федор Семенович, и, что самое противное, он бесконечно пах еловым лесом, правда, теперь складывалось впечатление, что под этими елями умер не один ежик.

Я подошла поближе, я закрыла и открыла глаза, я досчитала до десяти, я проверила у себя пульс и только потом, когда поняла, что картинка перед моими глазами не меняется, я, как положено всем секретаршам, оказавшимся в затруднительном положении, заорала.

– А-а-а!!! – орала я, пытаюсь как-то уложить происходящее у себя в голове, но полоч явно не хватало.

– А-а-а!!! – происходящее продолжало не укладываться, и объяснения не находилось.

– А-а-а!!! – этого не может быть, потому что не может быть, и все тут!

– А-а-а!!! – люди добрые, да что же это такое!

Открылась дверь, и в комнату повалил народ.

Я перестала орать, так как зрителей было уже достаточно.

На середину комнаты выскочила Любовь Григорьевна. Она была в плаще, и, по всей видимости, мой крик ее застал по пути к себе в кабинет. Посмотрев на Федора Семеновича – а он, поверьте, никогда не был фотогеничным, а теперь эта

нездоровая бледность только ухудшила его внешний вид, – Любовь Григорьевна, шатаясь, дошла до телефона, подняла трубку и... рухнула на пол без чувств. Телефон полетел следом и с грохотом упал рядом с этой смелой тоненькой женщиной.

– Это кто?! – спросила визгливым голосом Лариса.

– Это труп обыкновенный, одна штука, – указывая пальцем на бывшего любовника Альжбетки, сказала я.

– А что он тут де-делает и как он сюда попал? – уже заикаясь, спросила Лариса.

– Не знаю, – пожала я плечами, – со мной он не разговаривает почему-то.

Любовь Григорьевна зашевелилась и стала подниматься с пола, на подмогу к ней бросились два молодых человека, мне пока незнакомых.

Постепенно тоненькая женщина пришла в себя и, посмотрев на меня, удивленно спросила:

– Зачем вы это принесли на работу?

Я, конечно, все понимаю: элемент неожиданности, шок, расшатанная нервная система, несложившаяся личная жизнь... но все же как можно приписывать мне нечто подобное?!

– Любовь Григорьевна, – мягко произнесла я, – это не мое, это лежало здесь, когда я пришла.

– Надо звонить в милицию, – сказал кто-то из ошарашенных зрителей.

– Надо, – кивнула Любовь Григорьевна и поплелась в свою комнату.

– Расходитесь, товарищи, – сказала я, – тут наверняка улики на каждом квадратном сантиметре, а вы ходите и топчете, милиция этого не одобрит.

– Он правда мертвый? – делая шаг вперед, спросила Лариска.

– Проваливайте все отсюда! – заорала я.

Через секунду комната опустела. Я подошла к столу и посмотрела на Федора Семеновича.

– Как же вам не стыдно, – прошептала я, – сколько можно осложнять мне жизнь?

Случившееся повергло меня в уныние. Взяв себе пару минут на обдумывание, я, открыв окно, закурила. Как такое возможно? Как, как такое возможно?!

Значит, вчера наши милые соседи повезли Альжбеткиного друга не в темный лес, чтобы предать тело земле, как полагается людям, не обделенным милосердием, а привезли... это сюда, ко мне на работу. Прекрасно! А зачем они это сделали?

– Я вызвала милицию, – выходя из комнаты, сказала Любовь Григорьевна, – будем ждать.

– Надо бы еще позвонить Валентину Петровичу, должен же знать начальник, что творится на столе его секретарши.

– Я позвонила, а это точно не ты принесла?

– Ну сегодня же не первое апреля, с чего бы мне так над-

рываться?

– Да, не первое апреля, – покачала головой Любовь Григорьевна.

Я так понимаю, что от меня она готова ожидать чего угодно. Неплохая у меня сложилась репутация!

– А чем же так пахнет?

– Елью.

– А почему?

– Не знаю, может, он любил гулять в еловом лесу, – предположила я.

– Мне кажется, еще чем-то пахнет...

– Еще пахнет трупом.

Любовь Григорьевна закрыла рот ладонью и выбежала в коридор.

Отделение милиции, как я понимаю, было расположено поблизости. Не успела я повесить плащ и выкурить еще одну сигарету, как дверь распахнулась и в приемную влетели пять человек, которые замахали у меня перед носом красными книжечками с полосатой лентой, фотоаппаратом и своим энтузиазмом.

– Меня зовут Ерохин Максим Леонидович.

И перед моим носом раскрылась очередная красная книжца, которая известила меня, что этот человек – следователь, который будет задавать вопросы.

– Аня, местная секретарша, – представилась я.

– Вы обнаружили труп?

– Да, совершенно случайно, просто зашла поработать.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, – замотала я головой, – первый раз вижу!

Я хотела сказать «и первый раз нюхаю», но так капитально соврать не решилась.

Пришлось отказываться от знакомства с Федором Семеновичем: не могла же я сказать, что этот человек недавно умер, возлежа в кайфе на моей подруге, – это не по-товарищески.

– Во сколько вы пришли на работу?

– Не знаю.

В этот момент вошла Любовь Григорьевна, и вопросы посыпались уже в ее сторону, чему я была очень рада.

Врать – это, конечно, хорошо, это повышает уровень адреналина и делает небольшую гимнастику головному мозгу, но все же лучше врать подготовленно, импровизация может выйти боком.

Меня попросили выйти, и я с этим спорить не стала. Федору Семеновичу в качестве моральной поддержки я была не нужна, а Любовь Григорьевна наверняка боялась, что я ляпну что-нибудь лишнее.

Стоило мне открыть дверь, как на меня просто налетел Селезнев.

– Что здесь происходит? – деловито спросил Валентин Петрович, и его взгляд упал на мой стол.

Сказать, что он побледнел, – это ничего не сказать. По-

нятное дело, кому понравится труп на столе у собственной секретарши! Эх, а я вчера так хорошо убралась на столе... Теперь наверняка он долго будет пахнуть елью и мертвыми ежиками.

Перед моим носом закрыли дверь, что позволило мне пристроить свое ухо поближе к замочной скважине. В коридоре толпился народ, но меня это не смущало.

– Вы кто? – представившись, спросил следователь.

– Селезнев Валентин Петрович, директор фирмы.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, впервые вижу. Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?!

– Рядом с вашим кабинетом найден труп мужчины, – сказал Максим Леонидович, – пока больше ничего не происходит.

Я отошла от двери, и ко мне тут же подлетела Лариска:

– Что говорят?

– Говорят, что умерший был мужчиной.

– В каком смысле? – не поняла Лариска.

– В том смысле, что не женщиной. Как ты думаешь, может, нас отпустят пораньше домой? Мне очень надо.

Я представила себе вытянувшиеся лица Альжбетки и Сольки, и мне стало значительно лучше. Мне стало даже как-то приятно.

Учинив небольшой допросик, выписав паспортные данные и попросив пять кружек кофе, мне намекнули, чтобы я

шла до дома и не путалась под ногами.

Большой радости я и представить не могла. Собрав пожитки, я бросилась к девчонкам. Альжбетка работает вечерами, так что она дома. Солька, Солька, надеюсь, ты уже отмучила молодое поколение и сидишь сейчас перед телевизором.

На лестнице я столкнулась с тетей Пашей.

– Чего бежишь, как ненормальная?

– Куча дел!

– Зайду к тебе, я пироги пеку.

Только сейчас я почувствовала аромат выпечки на лестничной клетке и поняла, как я голодна.

– Спасибо, тетечка Пашечка, – сказала я, – девчонки дома, не знаете?

– Дома, Солька только с работы пришла, сказала, что ты на диете и тебе пирогов нельзя.

– Не слушайте ее, тетя Паша, она умом тронулась, разве есть такая диета, чтобы ваших-то пирогов нельзя было? – спросила я, звеня ключами.

– Так и я ей сказала, что она что-то путает.

Я позвонила в дверь к Альжбетке и в дверь к Сольке, они высунули носы и посмотрели на меня.

– Ко мне, быстро, – скомандовала я, распахивая свою дверь.

Я налила три кружки крепкого чая и поставила их на стол. Девчонки ерзали на стульях, ожидая от меня всего, чего угодно, но вряд ли в их головах могло промелькнуть то,

что я произнесла, садясь на табуретку:

– Федор Семенович сегодня пришел ко мне на работу!

Альжбетка подавилась чаем и пролила половину на свою розовенькую кофточку.

Солька так и замерла с ложкой в руках. Люблю, когда она молчит!

– Чего?! – спросила она наконец.

– Я сегодня пришла на работу, и что я вижу?

– Что?! – хором спросили девчонки.

– На моем столе лежит Федор Семенович, и не просто лежит – он пахнет, а я, между прочим, вчера стол убирала!

– Ты что такое говоришь-то?! – зашипела Солька.

Я обрисовала ситуацию в красках и лицах.

– Это невероятно! – сказала Солька.

– Как же так? – простонала Альжбетка.

– Я так понимаю, – стала размышлять я, – что наши соседи отвезли труп прямо ко мне на работу.

– Зачем? – дернулась Альжбетка.

– Припугнуть хотят, – выдала Солька.

– Я думала об этом по дороге. Это глупо: зачем везти труп ко мне на работу, когда его можно дотащить до двери моей квартиры, и потом, зачем этот труп навязывать мне? Уж если угрожать, то Альжбетке.

– Правильно, – сказала Солька, – ты-то тут вроде как ни при чем.

– А я что, при чем?! – взвизгнула Альжбетка.

Солька посмотрела на нее осуждающе.

– Ну да, – сказала Альжбетка, пытаясь все же навесить на меня побольше вины, – но ты же тоже во всем участвовала!

– Но они-то об этом не знают, – развела я руками.

– Что же получается? – изумилась Солька.

– А получается, что трупешник принесли не для меня! Откуда им вообще знать, где я работаю?

Альжбетка зарыдала.

– Не ной, – сказала я, – все не так уж и плохо.

– Кому же его принесли?

– Пораскиньте мозгами, – торжественно вставая, сказала я Сольке, – если бы хотели направить особое внимание на кого-нибудь в офисе, то и положили бы труп рядом с кабинетом того человека. А положили его в приемной, где сидим только я, Любовь Григорьевна и Селезнев. Вот и выходит – что?

– Что? – спросила Альжбетка.

– Что принесли его либо финансовой директрисе, либо Селезневу, так как – смотрите выше – я отпадаю.

– Точно! – сказала Солька.

– Возьмем директрису, – рассуждала я, – она не от мира сего, она, наверное, перед едой молитву читает, а спать ложится – так тапочки по струнке ставит. У такой особы просто не может быть никаких поводов для подобной встречи с благоухающим Федором Семеновичем. Так что остается Селезнев...

Я вспомнила, как он побледнел, и добавила:

– Этот подарочек точно был для Валентина Петровича!

– Хорошо бы, если так, – сказала Солька, – но все это слишком туманно.

– Поверь моей женской интуиции.

– У тебя нет никакой интуиции, – просто оскорбила меня Солька.

– У меня интуиция просто железная, и попрошу ее не трогать своими цепкими ручонками!

– Девочки, не ссорьтесь, – взмолилась Альжбетта.

– Значит, так: мы вне подозрения. Я же сказала, что незнакома с умершим. Делаем вывод – Вера Павловна с ее Тусиком не потащили бы ради прихоти так далеко труп, меня постращать можно и здесь, мы все же милые и добрые соседи. Так что выходит, что все это – для Селезнева. Настаиваю на своей версии, возражения есть?

– Нет, я согласна, – сказала Солька.

– Я тоже, – всхлипнула Альжбетка.

Я была вполне удовлетворена. Я всегда права, и это не обсуждается.

– Только вот зачем это все, я пока не поняла, но нам надо все выяснить.

– Может, не надо, с глаз долой – из сердца вон? – сказала Альжбетка.

– Мне тоже кажется, что лучше не вмешиваться, – поддержала ее Солька.

– А мы и не станем, – сказала я, – мы просто будем более внимательными, чем обычно. Мы должны быть в курсе происходящего, чтобы в случае чего прикрыть Альжбетку.

В дверь позвонили, и Солька пошла открывать.

Мы с Альжбеткой автоматически напряглись.

– Это тетя Паша пироги принесла! – закричала Солька.

– Кушайте, девочки, – сказала наша добрая фея, – теплые еще, только из духовки.

– Эх, тетя Паша, что бы мы без вас делали! – сказала я, откусывая кусочек нежного теста.

– Ты на диете, – сказала Солька.

Я убила ее взглядом и взяла второй пирожок.

– Вот, собралась к сестре поехать на пару дней, – сказала тетя Паша, – а вы квитанцию новым жильцам отдайте.

– Что за квитанция? – спросила Солька.

– Так перепутали почтовые ящики и мне сунули, квартплату им выписали, надо, чтобы оплатили, вы уж передайте.

– Само собой, – сказала я, беря у тети Паши листочек.

Тетя Паша забрала тарелку и ушла, а я, обмахиваясь квитанцией – после пожирания теплых пирожков стало жарко, – размечталась:

– Понять бы это все...

Взгляд мой упал на ровненькие букочки, наклепанные на квитанции.

Стрела пронеслась в моей голове и застряла где-то на развилке протекающих в коре больших полушарий мозговых

процессов.

– Слушай, Альжбетка, а как фамилия у Федора Семеновича?

– Потугин, а что?

Я положила квитанцию на стол и ткнула пальцем: чуть выше суммы была напечатана фамилия владельца квартиры – Потугин Макар Семенович.

– Они – братья! – сказала я.

Глава 7

Мы делаем вылазку на вражескую территорию

Как только я увидела фамилию, сразу почувствовала, что она мне знакома. Альжбетка называла нам ее на одном из наших девичников, испорченных персоной Федора Семеновича.

– Этого не может быть, – пробормотала Солька, – это уже слишком...

– Может, – сказала я и посмотрела на Альжбетку.

– Я вспомнила, я вспомнила, – залепетала растерянная Альжбетка, – он говорил мне, что ему так нравится мой район, что он даже посоветовал своему брату купить квартиру именно здесь.

– Вот заботливый какой, – всплеснула я руками. – А о нас он подумал?

– А что тут думать? – уставилась на меня недоуменная Альжбетка.

– А то, – строго сказала я, – что нам и его одного тут хватало выше крыши, а еще теперь и братец с женой...

– Не ругайся, – сказала Солька, – теперь же все по-честному. Федор Семенович в мире ином, и на его место заступила бодрая чета Потугиных.

– Не по-честному, потому что Вера Павловна – явный перегруз.

– Я в шоке, – пробормотала Альжбетка.

– А они знают о твоём существовании? – поинтересовалась я.

– Нет.

– Точно?

– Точно, он говорил, что жена у его брата очень ревнивая и если она узнает, что у Федора есть молодая любовница, то запилит его совсем и не будет никуда отпускать вместе с ним.

– Дальновидная женщина, – подвела я итог.

Пирожки как-то быстро закончились, и я с грустью посмотрела на опустевшую тарелку.

– Я вот чего не пойму, – сказала задумчиво Солька, – как это он брата родного отвез неизвестно куда, да и вообще – как, увидев его мертвым, он не вызвал милицию?

– Не хочу больше о нем думать, не хочу! – замотала головой Альжбетка.

– Придется, – сказала я. – Они теперь тут мелькать будут, и захочешь забыть – не забудешь.

– Вы слышите, что я говорю? – спросила возмущенно Солька.

– Слышим, – ответила я, – надо подумать.

– Мне кажется, мы ошибаемся: это он за брата отомстить хочет, – предположила Солька, тоже с грустью глядя на пустую тарелку.

– Ну пусть приходит и мстит, я здесь.

– Да сядь ты, Анька, – резко сказала Солька, – это же все просто безумие какое-то...

– Согласна. Значит, так, – секунду поразмышляв, сказала я, – мы должны сходить на разведку.

– Куда? – удивилась Альжбетка.

– На вражескую территорию. Солька, беги к себе и пеки пирог.

– Что? – глаза у Сольки полезли на лоб. Вот и ходила бы так, а то вечно она щурится. – Опять?!

– Да, опять. Ты бы кого-нибудь на порог пустила с пустыми руками?

– Я не могу печь пирог, я не умею, давайте отнесем им бананы!

– Солька, твоя ботаника тебя когда-нибудь погубит, – сказала я, – и потом, где мы возьмем эти бананы?..

– А где я возьму этот пирог? – возмутилась Солька, хватаясь за голову.

Мы втроем посмотрели на пустую тарелку из-под пирожков и тяжело вздохнули.

– Беги к тете Паше, может, повезет – вдруг она не уехала, пусть даст нам еще немного пирогов.

– Точно, – кивнула Альжбетка.

Солька схватила тарелку и метнулась к двери.

– Стой! – закричала я. – Отнеси ей яйца, а то мы просто обжираем бедную женщину.

– Ага, – на лету сказала Солька и бросилась к холодильнику.

Забрав оттуда последние шесть яиц, она отправилась к тете Паше за новой порцией восхитительных пирожков.

– А если Вера Павловна у нас рецепт спросит? – проронила Альжбетка.

– Ты что? Ты можешь себе представить, чтобы эта женщина стряпала на кухне и роняла слезы умиления над маленькими аккуратненькими пирожками?

– Ну а вдруг?

– Скажем, что рецепт этот передается уже много лет из поколения в поколение и что Солька даже с нами им не делится.

– Так будет считаться, что их пекла Солька?

– Конечно, у нее вид, как у училки, впрочем, она и есть училка, на нас не подумают... Ты слишком хороша собой, а у меня выражение лица не то...

Через пару минут на пороге появилась довольная Солька: она нежно и трепетно прижимала к сердцу тарелку с шестью теплыми пирожками.

– Маловато будет, – скептически оценила я обстановку.

– Так мы же их есть не станем, – сказала Солька в оправдание.

– Как это не станем, я бы съела еще парочку.

Солька сделала шаг назад и угрожающе посмотрела на меня.

– Есть мы их не будем, – четко проговаривая каждое слово, сказала она. – Ты не забыла, что кое-кто у нас на диете?

Был у нас вожатый в пионерском лагере, так он вечно ходил по коридору и орал: «Еще один писк из этой палаты, и весь отряд не идет на «огонек»!» Приблизительно это мне хотелось сейчас выплеснуть в лицо Сольке.

– Тетя Паша сказала, что соседей пока нет, – предупредила хранительница пирожков.

– Будем ждать, – сказала я.

– А зачем мы туда пойдем? – поинтересовалась Альжбетка, поправляя волосы.

– Ты бы не прихорашивалась. Вера Павловна – женщина ревнивая, выставит за дверь, и пирожки не помогут, – заметила я.

Альжбетка резко отдернула руки от головы.

– Мы пойдем туда, чтобы прощупать обстановку, может, что и всплывет. Поговорим по душам, аккуратненько зададим пару-тройку вопросов, что-нибудь и узнаем.

– Вообще-то я этого не одобряю, лучше нам не соваться в это дело, – высказала свое мнение Солька.

Ну до чего же она зануда!

– Мы должны быть в курсе происходящего, – сказала я, – и потом, ничего опасного мы уже не делаем, особенно если сравнить это с перетаскиванием трупа с места на место.

Потугиных мы прождали часа два. Альжбетка уже засыпала на подоконнике, когда во дворе появилась Вера Павловна.

– Идет, идет! – воскликнула она.

Мы бросились к окну. По двору плавно перемещалась до-
родная женщина Вера Павловна, ее пестрый пучок был об-
мотан зеленым платком, что так мило гармонировало с оран-
жевой помадой у нее на губах.

– Одна, – сказала Альжбетка.

– Тусик, наверное, на работе, – пробормотала я.

Подождав еще полчаса, дав, так сказать, хозяйке пере-
одеться в домашнее, мы двинулись на штурм крепости.

Я вдавила палец в кнопку звонка, и он запиликал так
резко, что, пожалуй, Вера Павловна подскочила до потолка.
Солька дала мне по рукам со словами:

– Ты забыла, мы же хорошие соседи!

Вера Павловна открыла дверь и вопросительно уставилась
на нас. Я пихнула Сольку в бок, и она выплыла на передний
план с тарелкой, наполненной пирожками.

– А мы к вам, – сказала я, улыбаясь до ушей, – вот, хотим
поздравить с первой квартплатой, – и протянула квитанцию.

У Сольки от моих слов подкосились ноги: она, наверное,
и не подозревала, что людей поздравляют с подобными ве-
щами.

Вера Павловна вдруг изменилась в лице. Она часто захло-
пала глазами, нагоняя слезы, закатила глаза и, достав из кар-
мана огромный розовый платок, усыпанный по краю маками,
громко высморкалась в него. Солька автоматически прижа-
ла к себе тарелку с пирожками.

– Ой, девочки, – запричитала Вера Павловна, пропуская нас в квартиру, – горе-то какое страшное приключилось!..

Вера Павловна еще раз громко высморкалась. Альжбетка спряталась за мою спину: возможно, она не любила сопливых женщин.

– А что такое? – вежливо поинтересовалась я, видя неподдельную трагедию в глазах этой милой Веры Павловны.

– Федечка-то наш погиб, погиб смертью храбрых...

Да уж, надо иметь необыкновенную храбрость, чтобы в таком возрасте вскарабкаться на Альжбетку!

– Как жить-то страшно стало! Ушел из дома и не вернулся, вот, из милиции позвонили, вызвали Тусика на опознание...

Мы прошли в кухню, где Солька наконец-то поставила тарелку на стол, а я положила рядом квитанцию.

– Да вы садитесь, девочки, как хорошо, что вы пришли, так горько мне, так горько...

Я поняла, что самое уместное сейчас – это начать задавать вопросы.

– Вы извините, мы так сочувствуем вашему горю... А кто такой Федечка?

– Да, – вдруг всполошилась Солька, – это кто?

Натуральность происходящего бодрила: противоположные стороны были равны в своем напускном трагизме и умирительном вранье.

Альжбетка вдруг зарыдала, чем вызвала явное расположение Веры Павловны, и она сунула ей свой розовый платок.

Альжбетка дернулась, она у нас человек брезгливый и подобной антисанитарии не переносит, но чувство вины – великое чувство, и Альжбетка, стиснув зубы, взяла вышеупомянутый платок двумя пальцами.

– Это же родственник наш единственный, Макара брат.

– Да вы что! – дружно изумились мы.

– Да вот, – отбирая у Альжбетки платок и утирая слезу, сказала Вера Павловна, – безвременно погиб.

– А что случилось? – сочувственно спросила Солька. – Под машину попал?

Тут уж и я чуть слезу не обронила: Солька такая милая, ну такая милая!

– Нет, сердце не выдержало.

– Чего не выдержало? – автоматически спросила я.

– Окружающей действительности, – хлюпая носом, ответила Вера Павловна, поправляя свой радужный пучок.

Во дает тетка, даже я бы так вывернуться не смогла! Я просто зауважала Веру Павловну вместе с ее зеленым платком и оранжевой помадой.

– Как же это? – всхлипывая, спросила Альжбетка.

– Погиб, погиб, голубчик! – зарыдала Вера Павловна.

– Вы пирожок съешьте, – участливо пододвинула к ней тарелку Солька.

Думаю, она, как и я, надеялась на отказ: шесть пирожков так хорошо делятся на троих...

Но Вера Павловна была в сильнейшем горе, что, как из-

вестно, повышает аппетит. Она откусила почти половину пирожка и, роняя начинку на стол, сказала:

– Теперь же хоронить надо, а на поминки и позвать некого.

– Так мы придем, вы не беспокойтесь, – сказала Солька. Наверное, у нее в голове в этот момент колосилась крапива.

Вера Павловна от такой перспективы совсем сникла, боль, видно, заполнила ее душу, утрата Федечки была велика, ее рука протянулась вперед, и через мгновение второй пирожок растаял в зоне действия оранжевой помады.

– Пирожки-то какие вкусные, – похвалила она.

– Это Солька пекла, – превознося подругу, сказала Альжбетка.

Вера Павловна посмотрела на Сольку и медовым голосом произнесла:

– Рукодельница наша, не откажи в помощи, накрой стол на поминки, я так слаба, что и не смогу!

Солька потеряла дар речи. Пожалуй, я его тоже временно утратила.

На выручку пришла Альжбетка, которая сообразила, что благодаря ее рекомендации Солька попала в положение, которому не позавидуешь, и решила как-то спасти положение.

– А что, у вашего родственника... жены или подруги не было?

– Нет, не успел обзавестись, все работал и работал, – запричитала Вера Павловна.

– А кем он работал? – любопытствовала я.

Вера Павловна замялась, а потом сказала:

– Бизнес какой-то, вроде с торговлей связано, я, знаете, в эти дела не лезу, ничего в этом не понимаю.

– Да, – сочувствующе закивала Солька, – в бизнесе в этом сейчас не разберешься.

Посмотрите на эту учительницу ботаники, в бизнесе она запуталась...

– А как же это все произошло? – поинтересовалась я.

Вера Павловна задумалась, вероятно, стройной версии пока не существовало:

– Нашли его в одной конторе, наверное, по работе ездил...

Я вспомнила свой утренний шок и недобро посмотрела на Веру Павловну: ездил он... в большом чемодане...

Мы еще немного поболтали с Верой Павловной и, забрав опустевшую тарелку, удалились. Как только мы оказались у меня в квартире, Солька тут же набросилась на Альжбетку:

– Ты что, ты что мне эти пироги приплела, я в жизни ничего не готовила, я всю жизнь думала, что булки на деревьях растут!

– Теперь понятно, – закричала Альжбетка, – чему ты учишь подрастающую молодежь!

– Сама будешь там салаты рубить: твой Федька – тебе и готовить!

– Не смей называть Федора Семеновича Федькой, он, между прочим, полгода был мне близким человеком!

– Таким близким, что ты его замучила до смерти!

Я была в таком умилении от происходящего, что боялась пошевелиться: не дай бог испортить такую интеллектуальную беседу.

– Да я его почти любила, – вскричала Альжбетка, защищаясь.

– Ты просто паучиха, которая сожрала своего паука!

Альжбетка сняла тапок с отточенным каблуком и кинула его в Сольку.

Солька схватила диванную подушку и зашвырнула в Альжбетку.

Я тихонечко села на кресло в уголке и принялась наслаждаться происходящим.

– Ты просто мне завидуешь! – кричала Альжбетка. – У тебя уже сто лет никого не было!

– Да! – парировала Солька. – И я уже сто лет никого не убивала!

– Это несчастный случай!

– Нет, ты все это спланировала! Ты паучиха!

– Дура!

– Сама ты дура!

– Тебе завидно, что меня любили, – не унималась Альжбетка,

– Твой Федор Семенович не мог любить, у него нет того, чем любят!

– Все у него есть, и ты сама это видела!

– Дура, этим не любят, этим...

Солька споткнулась, не зная, какое слово употребить.

– ...этим опыляют! – нашлась она.

Тут уж я не сдержалась и прыснула со смеху. Солька была бесподобна! Браво!

Девчонки переглянулись, посмотрели на меня и тоже закатились звонким смехом.

– Что делать-то будем? – спросила, переводя дыхание, Солька.

– Будем просто жить, – пожала я плечами.

Глава 8

Приходится брать на себя обязанности феи. Я узнаю, что наша доблестная милиция выполнила возложенную на нее миссию

Стол хоть и не пах, но память неумолимо требовала взять тряпку, порошок и смыть с глянцевой доски налет вчерашних событий.

Любовь Григорьевна вышла из кабинета и сочувственно посмотрела на меня:

– Моешь?

– А что, вам приятно на меня смотреть?

– Почему ты всегда огрызаешься?

Я вытерла сухой тряпкой лужу на столе и сказала:

– Боюсь, Любовь Григорьевна, это все тянется с далекого детства. Мои родители развелись, когда мне было двенадцать, и, думаю, это серьезно подорвало мою психику.

– Мне очень жаль, – поправляя очки и вздыхая, сказала тоненькая Любовь Григорьевна.

– Не стоит... Мне, знаете ли, так даже больше нравится,

всегда можно под это дело оправдать свои гаденькие поступки.

В приемную вошел Крошкин, это наш самый главный юрист, вроде дядька неплохой.

– Здравствуй, Аня, – кивнул он.

Я расплылась в довольной улыбке: меня тут явно уважают.

– Любовь Григорьевна, будьте любезны, разберитесь с этими документами, возможно, бухгалтерия здесь должна кое-что пересмотреть, я сделал пометки на полях.

Любовь Григорьевна повела себя странно, то есть она себя повела так... Как бы это объяснить... Как Альжбетка! Запрокинув голову чуть назад, поправляя отсутствующие локоны и знойно улыбаясь, Любовь Григорьевна с легким придыханием сказала:

– Да, конечно, Илья Дмитриевич, я отложу все дела и сделаю это в первую очередь.

Обалдеть!

Крошкин отдал бумаги и вышел.

Любовь Григорьевна с нежностью смотрела на закрывающуюся дверь.

Это что же, люди хорошие, делается, даже самые отстающие слои населения – и те ловят стрелы Амура! Я посмотрела на Любовь Григорьевну: зализанные волосы, костюмчик так себе, фигурка, наверное, ничего, но плосковата... Я критически взвешивала ее шансы, так как теперь, узнав ее душевную тайну, я была просто обязана сделать ее счастливой. Это,

возможно, мне зачтется, когда в Судный день на весах будут взвешивать мое неудовлетворительное поведение.

– Нравится он вам, да?

Любовь Григорьевна вся подобралась, сжала губы и гневно сказала:

– Работайте!

– У вас тоже родители в разводе, что ли? – поинтересовалась я.

Любовь Григорьевна гордо направилась к своему кабинету.

Я решила быть честной, ибо этому меня учили с детства. Маме моей, во всяком случае, это бы понравилось.

– У вас практически нет шансов, практически – потому что один маленький шанец есть всегда, и вот, Любовь Григорьевна, правда в том, что шанец этот сконцентрирован сейчас на мне: я могу вам помочь.

Любовь Григорьевна остановилась и, не оборачиваясь, спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Вы так и просидите в своем кабинете, перебирая бумажки, если не послушаетесь своей старой доброй феи-крестной, то есть меня.

– Я ничего не понимаю!

– Надень туфли, Золушка! – скомандовала я, и Любовь Григорьевна подскочила на месте.

– Ты ненормальная!

– Возможно, но я вам нужна.

Очки скукожились и жалобно посмотрели на меня.

– Послушайте, выгляните в окно, пройдитесь по офису: весь мир кишит молоденькими хрупкими Белоснежками, возьмите хоть Лариску из бухгалтерии. У нее грудь, как две уютные диванные подушки. Очнитесь, надо же как-то работать над собой и вообще над отношениями!

Любовь Григорьевна замерла и слушала.

– Ну запали вы на этого Крошкина, понятное дело, весьма стоящий мужик, но вам пора уже как-то действовать!

– Как? – заинтересованно спросила Любовь Григорьевна.

– Надо стать – какой?

– Какой?

– Незаменимой, единственной, такой, чтобы дух захватывало. Сколько вам лет?

– Сорок...

– Ну так я вам скажу, что в сорок лет следует уже как-то шевелиться, молодежь наступает на пятки, причем делает это грудью.

Любовь Григорьевна села на стул рядом с моим столом. Я, закончив уборку, любовно поставила выживший кактус на его законное место.

– Да, он мне нравится, – сказала тихо Любовь Григорьевна, теребя край стола.

– То, что вы признались, это хорошо, – многозначительно сказала я, – не каждый решается сказать подобное вслух, вы

молодец!

Любовь Григорьевна выпрямила спину: по всей видимости, в этот момент она гордилась собой. Я знаю, как расположить к себе столь наивную душу, как Любовь Григорьевна, – просто надо ее приласкать.

– Надо бы вам имидж сменить, – сказала я, – и не растекайтесь перед ним, когда его видите, – боритесь, это вам не отчеты писать.

– Что же мне делать?

– Распускаете свой злобный пучок, идете и делаете стрижку, покупаете новые шмотки, причем покупаете их только в тех отделах, куда не ступала ваша нога, и побольше решительности и уверенности в глазах.

– Я так не смогу.

– У вас нет выбора, – сказала я, пожав плечами.

– Есть, мне и так хорошо, мы с ним видимся, и мне этого хватает.

– Даже не надейтесь, что ваша жизнь и дальше будет медленно тонуть в болоте, я повторяю – у вас нет выбора. Если вы не пойдете дорогой, которую я вам сейчас протоптала, я расскажу Крошкину, что вы в него втрескались.

– Нет! – вскочила Любовь Григорьевна.

– Да, – улыбаясь, сказала я, – и вы же знаете, что я это сделаю.

– Это шантаж!

– Не спорю.

– Какое ты имеешь право вмешиваться в мою жизнь?!

– Я добрая фея-волшебница, мне по должности положено.

– Ты, ты, ты... интриганка! А по должности тебе положено печатать и на телефонные звонки отвечать!

– Послушайте, чего вы боитесь? Того, что начнете себя чувствовать женщиной? Поверьте, это не страшно, я пару раз пробовала, это стоит того.

Любовь Григорьевна снова села на стул и заплакала.

– Вы это напрасно, – сказала я, – вам еще жить да жить.

Любовь Григорьевна заплакала еще громче.

– Вы же, как все нормальные люди, хотите быть счастливой, так чего вы ждете, доставайте свою харизму – и вперед!

– Я даже не знаю, что это такое, – всхлипывала Любовь Григорьевна, – это что-то неприличное?

Тяжело вздохнув, я включила компьютер, дунула на экран, в надежде, что пыль сделает самостоятельные выводы, и сказала:

– Обратной дороги нет, мужайтесь.

– Хорошо, в конце концов я ничего не теряю, хотя моя репутация...

– Ваша репутация покрылась паутиной, не будем о ней.

– Хорошо, – еще раз сказала Любовь Григорьевна, вытирая слезы.

Я облегченно вздохнула: Крошкин Илья Дмитриевич теперь от нас никуда не денется.

– А как там дела с трупом? – поинтересовалась я.

– Я сегодня звонила следователю, оказывается, этот человек умер не здесь.

– Не может быть, а где?!

– Я не знаю, но установили, что смерть наступила из-за сердечного приступа, такое бывает у мужчин в его возрасте.

– Да уж, надо проследить за Ильей Дмитриевичем, как бы его удар не хватил, когда он увидит ваше преображение.

– Аня!

– Молчу, молчу, – улыбаясь, сказала я. – Ну и что милиция?

– Говорят, что скорее всего нам его подбросили в шутку.

– И давно так принято шутить?

– Мне тоже показалось это странным.

– То есть вы хотите сказать, что сами бы так шутить не стали?

– Аня!

– Молчу, молчу.

– Дело, скорее всего, закроют, так как состава преступления нет.

– Ничего себе, а что, им все равно, кто его сюда принес?

Любовь Григорьевна пожала плечами, поправила очки и сказала:

– Мне это неизвестно, такое мог сделать любой случайный прохожий. Этот человек здесь даже никому не знаком.

– Ну не знаю, если у вас принято вокруг офиса ходить с трупами...

– Я только поняла, что милиция вполне довольна тем, что его не убили, а он сам умер.

– А что Валентин Петрович? Где он, кстати?

– Он сказал, что с утра будет в банке, конечно, ему неприятно, что такое случилось у нас.

– Понятное дело, кому понравится такой подарочек...

– Я не понимаю, как это все произошло? – всплеснула руками Любовь Григорьевна. – Теперь все сидят и шушукуются по кабинетам.

– Не волнуйтесь, когда они увидят вас в новом облиии, они сменят тему.

– Аня!

– Молчу, молчу.

Любовь Григорьевна покачала головой.

В принципе все не так уж и плохо вырисовывалось: дело затухнет и нам с девчонками беспокоиться будет не о чем, но все же мне хотелось дознаться до истины.

– А что, это так просто – внести сюда труп?

– В каком смысле?

– А как же замки, охрана и так далее?

– Мы здесь не так давно арендуем офис, всего четвертый месяц, еще не все наладили, вернее, сигнализацию установили, но она потом сломалась, и как-то все руки, видно, не доходили до нее.

– Хорошо, сигнализация дохлая, но замки-то должны быть?

– Замки, конечно, есть, и они вроде как и не сломаны, – пожимая плечами, сказала Любовь Григорьевна.

– А сложно ли их открыть?

– Я не знаю, – замотала головой директриса.

– Вообще-то, кому надо, тот откроет отмычкой, был бы навык...

– Теперь-то сигнализацию приведут в порядок, Валентин Петрович велел сегодня же все сделать.

– Это правильно, – поддержала я столь мудрое решение своего руководителя. – А вы точно раньше этого человека не видели, того, который столь бесцеремонно лежал у меня на столе?

– Нет, – уверенно сказала будущая нимфа.

– Вспомните, может, он заходил к кому-нибудь в офисе?

Я надеялась, что Любовь Григорьевна вспомнит Федора Семеновича: я все же чувствовала, что какая-то связь тут есть.

– Точно нет, я бы такого запомнила.

Любовь Григорьевна отправилась в свой кабинет и там два часа просидела над бумажками Крошкина. Выйдя, она протянула их мне и сказала:

– Пойдешь в столовую, занеси в бухгалтерию, пусть исправят.

Бухгалтерия – это, как я понимаю, такое гнездо, где высиживают сплетни. Зиночка была типичным представителем класса подобных наседок.

Она сидела у окна и считала ворон. Я села рядом, дабы помочь ей в этом деле.

– О! Привет, – сказала она, поворачиваясь ко мне.

– Что в мире делается? – спросила я, кидая бумаги на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.